PG 3300
.S6
1866
Copy 1

PG
3300
.S6
1866

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

E II 9569

СЛОВО

О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ

ИГОРЯ СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ

ВНУКА ОЛЬГОВА.

Slovo o polku Igoreve
"
Slovo
ЕП 9589

СЛОВО

o polchenii

ОБЪ ОПОЛЧЕНІИ

Igorii Svatoslavicha

ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА

КНЯЗЯ НОВГОРОДЪ-СѢВЕРСКАГО, НА ПОЛОВЦЕВЪ, ВЪ 1185 ГОДУ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОДЛИННИКА, ПО СПИСКУ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II,

ЛѢТОПИСНЫХЪ СКАЗАНІЙ, И ПОЯСНЕНІЙ.

А. Ѳ. Вельтмана.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШЮМАНЪ И ГЛУШКОВА.

1866.

PG3300
.S6
1866

OCT 7
Copy ------ 1968

Дозволено цензурой. Москва, 2-го Декабря 1866 г.

25065

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ уже лѣтъ отъ меня требовали втораго изданія моего перевода «Слова о полку Игоревѣ». Я не имѣлъ времени этимъ заняться. Теперь приступаю и преждѣ всего сознаюсь въ значительныхъ недостаткахъ перваго изданія. Въ то время, съ полною довѣрчивостью въ непогрѣшимость напечатаннаго въ 1800 году подлинника, я изложилъ его мѣрною рѣчью, замѣняя, какъ водится, всѣ непонятныя слова и выраженія, *вольнымъ переводомъ*. Но, въ подобномъ драгоцѣнномъ памятникѣ древняго Русскаго Слова, всякій произволъ изложенія, есть преступленіе противъ истины смысла подлинника, часто нарушаемаго въ рукописяхъ опиской буквы, или ложнымъ чтеніемъ. Время, однакоже, не освящаетъ ошибокъ.

Слово о полку Игоревѣ, есть единственный, уцѣлѣвшій у насъ образецъ, тѣхъ древнихъ пѣсней, которыя, по Тациту, составляли у Славяно-Руссовъ изустныя историческія преданія, замѣнявшія лѣтописи. Въ немъ все свое, родное, близкое сердцу. Пѣвецъ Игоря ни у кого не занимаетъ ни души, ни слова, ни образа. Его повѣсть — истинно *трудная* повѣсть, какъ истекающая прямо изъ глубины души, затронутой скорбью о бѣдахъ Руси; трудная и въ смыслѣ пониманія многихъ мѣстъ, искаженныхъ, въ продолженіи семи вѣковъ, переписчиками.

Каждое выраженіе, взятое изъ событія, каждое сравненіе взятое изъ природы, у пѣвца Игоря правильно, естественно. Можно-ли же допускать въ первообразѣ подлинника подобныя выраженія,

какъ напримѣръ «*копія поютъ на Дунаи?*» Можно-ли допускать и слова явно несуществовавшія въ языкѣ, и несообразности запятнавшія смыслъ слова безсмысліемъ, какъ напримѣръ, внесенное въ него мудрованіемъ чтецовъ и писцовъ, имя *Троянъ*, или прозваніе Ярослава Галицкаго *осмомысломъ?*

Къ числу замѣченной уже мною описки, и ложнаго чтенія, принадлежитъ, во первыхъ, упоминаемое въ Словѣ имя Бояна, словесника и пѣснотворца временъ просвѣщеннаго Великаго князя Ярослава Владимировича и внука его Олега Святославича Черниговскаго. Нельзя было не обратить вниманія на то, что Боянъ Слова о п. И. и словесникъ Янъ, упоминаемый нѣсколько разъ Несторомъ, сталкиваются на одномъ и томъ-же поприщѣ, въ одномъ и томъ-же времени, и славословятъ однихъ и тѣхъ-же князей. На это никто не обратилъ вниманія, не говоря уже о томъ, что ни русскаго, ни вообще славянскаго собственнаго имени *Боянъ* [1]) не существовало. Прозвать-же пѣснотворца въ народномъ значеніи *Баюномъ*, или въ древнемъ значеніи, *баяномъ*, не сообразно. Но главное, съ какой стати пѣвцу Игоря, вмѣсто собственнаго имени вѣщаго пѣснотворца стараго времени, давать ему простонародное прозвище, общее всѣмъ безымяннымъ *баюнамъ* и *баянамъ?*

Кириллъ, Епископъ Туровскій, (въ XII ст.), въ словѣ своемъ во хвалу отцамъ Св. Никейскаго собора [3]), говоритъ: «Яко-же историци и вѣтіи, рекше *лѣтописьци* и *пѣснотворци*, преклоняютъ своя слухы въ бывшая межю цари рати и въпѣлченія (ополченія), да украсятъ *словесы* и възвеличатъ мужьствовавшая крѣпко по своемь цари, и недавшихъ въ брани плещю врагомъ, и тѣхъ *славяще* похвалами вѣнчаютъ». Вотъ значеніи Слова *пѣснотворецъ*,

---

1) Нѣкоторые ссылаются на Бояна сына Симеона, Краля Болгарскаго. По Качичу, у Симеона было три сына: Стефанъ, *Вукошъ* (Вукъ) и Сава. Ковачичъ въ «Пѣснословкѣ» называетъ Вукоша *Волкаломъ*. Ранчъ, въ своей Ист. Славянъ, называетъ, по Дюфрену, сыновей Симеона: Петромъ, Іоанномъ и Михаиломъ (?), и прибавляетъ, что у него былъ четвертый сынъ *Боянъ*, который чародѣйствовалъ и претворялъ человѣка въ волка. Но этотъ Боянъ и есть тотъ-же *вукъ* (волкъ); ибо это имя измѣняется въ Вујо, Вуянъ, Вукачь, Вукашъ, и Волканъ.

2) См. Мат. для слов. Востокова, слово *баянъ*: «волхвомъ и баяномъ».

3) Памят. Росс. слов. XII вѣка. Изд. К. Калайдовичемъ. Слово IX.

которое употребляетъ и пѣвецъ Игоря, въ отношеніи знаменитаго *пѣвца стараго времени*; по прозвавъ его *бояномъ*, къ чѣму-же онъ прибавляетъ прозвище *пѣснотворецъ*: «Рекъ боянъ пѣснѣтворцъ стараго времени»?

Боянъ слѣдовательно и не *баянъ*.

Замѣчаніе мое, что *Боянъ* Слова о п. И. есть *бо Янъ*, упоминаемый Нестеромъ, основано не на одной частицѣ *бо*, употребляющейся, какъ союзъ *ибо*, иногда какъ *же* и нерѣдко безъ всякаго значенія [1]); но на болѣе положительныхъ данныхъ.

Сравнимъ Яна лѣтописи съ Бояномъ Слова.

Подъ 1106 годомъ, Несторъ пишетъ: «Въ се же лѣто преставись Янь, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90, въ старости маститѣ, по закону Божію, не хужше первыхъ праведникъ; у него же *и азъ* многа *словеса* слышахъ еже и писахъ въ лѣтописаніи семъ.»

«Словеса» значитъ *повѣствованія* о событіяхъ, и въ тоже время *величанія*, *славленія*, какъ и въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ слова Кирилла Еписк. Туровскаго.

«*И азъ слышахъ* и писахъ въ лѣтописаніи семъ». Слѣдовательно старецъ *Янъ* былъ извѣстный повѣствователь того времени, какъ и всѣ древніе пѣвцы (Ῥαψῳδὸς) народныхъ событій, подвиговъ и героевъ. *Янъ* дѣйствительно и былъ чѣмъ нибудь особенно уже знаменитъ на 27 году отъ роду, если Несторъ, подъ 1043 г. говоритъ: «Посла Ярославъ сына своего Владимира на Грекы, и вда ему вои многи, а воеводство поручи Вышатѣ, *отцу Яневу*.» Подъ 1093 годомъ лѣтописи извѣстность его подтверждается: Въ 1093 году, когда пр. р. Стугнѣ Святополкъ созвалъ совѣтъ, идти-ли на Половцевъ, или заключить миръ, князь Владимиръ Всеволодовичъ стоялъ за миръ «и пристояху совѣту сему *смысленіи мужи*, *Янъ* и прочіи. Кіяне же не всхотѣша, но рекоша: «хочемъ ся бити и т. д.» Изъ этихъ словъ, Н. М. Карамзинъ заключаетъ, что Янъ былъ Кіевскій воевода, и что будучи уже 77 лѣтъ отъ

---

[1]) Я полагаю, что частое употребленіе частицы *бо* принадлежитъ по преимуществу древнимъ Словамъ, или воспѣваніямъ. Пѣвцы пользовались ею, какъ звукомъ для плавности, для протяженія и перехода голоса, тѣмъ болѣе, что она усиливала рѣчь, обращая ее въ утвердительную форму.

роду, еще сражался противъ Половцевъ при р. Стугнѣ. Но почему же, въ числѣ дружины княжеской, онъ не могъ быть просто *вьщимъ мужемъ*, пристоявшимъ по древнему обычаю въ совѣтахъ княжескихъ, какъ живая лѣтопись событій? Если сказанію лѣтописи не данъ превратный смыслъ, то Янъ Вышатичь сражался съ Половцами будучи 90 лѣтъ отъ роду. Подъ 1106 г., сказано: «Воеваша Половци около Зарѣчьска и посла по нихъ Святополкъ Яна Вышатича и брата его Путяту и Иванька Захарича, Козарина, и угониша Половцѣ и полонъ отъяша.» Въ слѣдъ же за этимъ извѣстіемъ, подъ тѣмъ же 1106 годомъ: «Въ се же лѣто (Іюня 24), преставися (въ Печерскомъ монастырѣ) Янъ старецъ добрый.... и т. д.

Одинъ-ли и тотъ-же Янъ и воевода и старецъ Печерскаго монастыря, мужъ благъ, кротокъ, смиренъ и уклоняющійся отъ всего житейскаго (отгребаяся отъ всякія вещи)?

Въ спискахъ лѣтописи, упоминаніе о посылкѣ девяностолѣтняго Яна Вышатича противъ Половцевъ на столько различно, что можно предполагать неумѣстную вставку только одной буквы *и*, чтобъ вмѣсто: «посла Яна Вышатича брата, Путяту» вышло: и брата Путяту. Янъ Вышатичь, кроткій, смиренный нравомъ, какъ словесникъ, а не воевода, могъ въ послѣдніе годы жизни поступить въ монастырь и имѣть время передать свои изустныя *Словеса* Нестору. Что-же именно почерпнулъ Несторъ изъ Словъ его? Разумѣется пѣснивыя или поэтическія мѣста; тѣ мѣста, гдѣ есть драма и одушевленный или скорбный разсказъ, о подвигахъ князей, о крамолахъ и усобицахъ.

Къ этимъ сказаніямъ, исполненнымъ нѣкоторыхъ подробностей, и выраженій, которыя могутъ принадлежать только пѣснотворцу, относятся: походы Святослава Игоревича, подвиги Ярослава Владимировича, поединокъ Мстислава съ Редедей, замыслы Всеслава Полоцкаго, и крамолы Олега Черниговскаго и вообще Ольговичей, которые и по лѣтописи и по Слову «навели поганыя на русскую землю.»

Вотъ тѣ *многа Словеса*, которыя Несторъ слышалъ отъ Яна Вышатича и внесъ въ свою лѣтопись. Но, объ этихъ-же самыхъ Словесахъ припоминаетъ и пѣвецъ Игоря, его *бо Янъ* пѣснь поетъ старому рЯославу, храброму Мстиславу, иже *варяза Редедю*, (тоже

выраженіе и въ лѣтописи); разсказываетъ чародѣйные скачки и увертки Всеслава, котораго по лѣтописи «мати роди отъ волхвованія», крамолы Олега и Ольговичей; припоминаетъ объ утонувшемъ въ р. Стугнѣ князѣ Ростиславѣ. Въ лѣтописи: «и плакася по немъ мати его и вси людіе по велику, юности его ради»; и пѣвецъ Игоря сочувствуетъ этимъ слезамъ: «плачется мати Ростиславля по уноши, князи Ростиславѣ.» Въ заключеніе «рекъ бо Янъ пѣснопѣвецъ стараго времени Ярослава, Олега, и ходы Святослава на Когана (Козаріи или Готіи).» Лѣтопись почерпаетъ изъ Словъ Яна подробности: «и убиша Святослава (Печенѣги) и взяша главу его и во лбѣ его содѣлаша чашу, оковавше лобъ его и пьяху изъ него.» А пѣвецъ Игоря, упоминаетъ объ этомъ событіи горькой припѣвкой *бо-Яна:* «тяжко ти головѣ кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы!»

Сведите лѣтопись съ Словомъ, и вы увидите, что онѣ поясняютъ другъ друга; потому что время первоначальныхъ усобицъ, начиная съ Ярослава до внука его Олега, почерпнуты изъ одного и того же источника: у Нестора изъ изустныхъ Словъ Яна, а въ Словѣ о полку Игоревѣ изъ записанныхъ уже Словъ его: «помняшеть бо Янъ рѣчь первыхъ временъ усобице.»

Такимъ образомъ, можно голословно отрицать, но не оспоривать, что Боянъ есть двойникъ Яна Вышатича, родившагося въ 1016 году, при Ярославѣ, и умершаго въ 1106 году, при Олегѣ Черниговскомъ.

И нѣтъ сомнѣнія, что при пѣвцѣ Игоря, слава Яна была велика и Слова его были въ рукописяхъ, записанныя сполна. Ему было 38 лѣтъ отъ роду, когда умеръ Ярославъ, и вѣроятно любознательный сынъ воеводы Вышаты, провелъ юность и лучшіе годы жизни при дворѣ просвѣщеннаго Великаго князя, который «книгамъ прилежа, и почитая часто въ ночи и во дни, и собра писцы многи и списаша книги многи, ими же поучахуся вѣрніи людіе.»

Въ свою очередь и Слово о полку Игоревѣ, было извѣстно и распространено на Руси. Нельзя не удивляться, что до сихъ поръ мы имѣли въ рукахъ только одинъ и единственный списокъ, найденный въ одномъ старинномъ Сборникѣ; и тотъ погибъ во

время нашествія французовъ въ 1812 году, въ подвалахъ [1]) Графа Мусина Пушкина, со всѣмъ огромнымъ собраніемъ древнихъ рукописей, вытребованныхъ изъ монастырскихъ книгохранилищъ, по повелѣнію Екатерины II.

Слѣды подражанія краснорѣчивымъ выраженіямъ Слова о п. И. замѣтны уже и въ XIII столѣтіи. Въ существовавшей Галицкой лѣтописи, доходившей до 1292 года, подъ 1201 г., Романъ, князь Галицкій, сравнивается между прочимъ и съ туромъ: «храборъ бо бѣ яко и туръ»; а о Владимирѣ Всеволодовичѣ сказано: «тогда Володимиръ Мономахъ пилъ золотомъ шоломомъ Донъ».

Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, въ спискахъ, начиная съ XV вѣка, есть прямое подражаніе Слову о п. И., съ заимствованіемъ цѣлыхъ выраженій.

Въ сборникѣ XVI вѣка, упоминаемомъ въ «Матер. для сравн. слов. Востокова», при словахъ *Троянъ* и *Хорсъ*: «мняще богы многы, Пероуна, Хорса, Дыя и Трояна и иные мнози». Понятно, что сочинитель Слова, упоминающій объ идолахъ, извлекъ бога Трояна изъ Слова о п. И., въ которое, безъ сомнѣнія, Троянъ и внесенъ также въ XVI вѣкѣ, когда начались мудрствованія, толкованія и поправки лѣтописей, и когда существенно прекратились, подъ грозой, обычные на Руси Сборники и Временники.

Сочинитель XVI вѣка говоритъ, что всѣмъ этимъ болванамъ, а въ томъ числѣ и Трояну поклонялись по *украинамъ* (украинамъ), и объясняетъ, что эти боги были ничто иное, какъ «человѣцы старѣйшины: Пероунь въ Еллинѣхъ, Хорсъ въ Кипрѣ, а Троянъ бяше царь въ Римѣ».

Можно удовлетворяться и подобными показаніями, пріурочивающими императора Ульпія Траяна и къ Слову о п. И. и къ такъ называемой Русской Миѳологіи; но во всякомъ случаѣ, это бы значило отступать передъ всякой нелѣпостью, и вѣрить, что какой-то *баянъ*, чародѣй, рыскалъ *по дорогѣ Траяновой*, изображенной на Сульцеровой картѣ Валахіи, и упирающейся (будто-бы) въ *желѣзныя ворота* на Дунаѣ, о конхъ (будто-бы) упомянуто и

---

[1]) Мнѣ лично сообщилъ А. Ѳ. Малиновскій, что графъ Мусинъ-Пушкинъ водилъ его самъ въ кладовыя, гдѣ въ двухъ большихъ покояхъ, полы завалены были древними рукописями (въ книгахъ и столбцахъ) истребованными изъ книгохранилищъ монастырей.

въ Словѣ о полку Игоревѣ. Кстати слѣдуетъ уже вѣрить и тому, что «Via Trajani, простирается отъ береговъ Дуная до Прута [1]) и далѣе на востокъ по южной Россіи».

Слово о полку Игоревѣ не требуетъ ни перевода, ни преложенія, а только вѣрной замѣны словъ вышедшихъ изъ употребленія однозначительными, понятными. Естественной красоты не замѣнить искуственнымъ изяществомъ. Я изложилъ Слово выраженіями подлинника и мѣстами тѣмъ-же размѣромъ одушевленія, которымъ пѣлось творцу Слова. Эти пѣснивыя мѣста сами собою отдѣляются отъ разсказа. Такъ было и въ сущности: пѣвецъ разсказывалъ повѣсть и мѣстами, одушевляясь, вторилъ рѣчамъ своимъ, «возлагая свои вѣщіе персты на живыя струны». Это былъ голосъ мысли, перемѣжающійся съ голосомъ чувства, разсказъ и пѣснь — recitativo и cantabile.

Я предпочелъ помѣстить здѣсь подлинникъ Слова о п. И., по списку Имп. Екатерины [2]), въ которомъ сохранены, безъ всякаго сомнѣнія существовавшія и въ самой рукописи—южное мягкое нарѣчіе, и правописаніе сходное съ древними лѣтописями; между тѣмъ какъ въ изданіи 1800 года, видны поправки знатока церковно-славянскаго языка: плъкъ, влъкъ, чръный, слънце, вмѣсто полкъ, волкъ, черный, солнце.

---

[1]) Это *извѣстіе* почерпнуто и Карамзинымъ изъ Описанія Молдавіи Кантемира и изъ геогр. Бишинга. Но р. Прутъ отвѣсно впадаетъ въ Дунай. Безсомнѣнія, Кантемиръ видѣлъ валъ, надъ Г. Галацомъ, между рѣками Серетомъ и Прутомъ, означенный на картѣ Бауера; а Бишингъ вѣроятно слыхалъ о Половецкомъ валѣ: «Идеже зовется валъ Половечскій». Лавр. л. подъ 1223 г. — «Минувше Треполь пріидоша валъ». Лавр. л. 1093 г. На всѣхъ этихъ мнимыхъ Via Trajani, я былъ и ѣздилъ по нимъ и вдоль и поперегъ. Эти валы повсюду тянутся не дорогами, а пограничными межами, какъ и Половецкій валъ въ южной Россіи. *Верхній валъ* въ Бессарабіи, отрѣзываетъ *Буджакъ*, степную, нѣкогда населенную Татарами нижнюю половину Бессарабіи. *Нижній валъ* тянется отъ озера *Сасикъ*, верховьями озеръ Китай, Катлабугъ, Ялпухъ и Кагулъ, до С. Вадулуй-Исаки, на р. Прутѣ. Подобный же валъ и въ Булгаріи, тянется отъ озера Черноводы до Кюстенджи, отрѣзывая отъ Булгаріи степную Бабадагскую область, также населенную нѣкогда Татарами. Во всѣхъ этихъ межахъ, имя Траяна употреблено всуе: ни одна изъ нихъ не была ему пригодна, даже Черноводская; потому, что еще при Августѣ Римляне владѣли всемъ правымъ берегомъ Дуная до устья.

[2]) Изд. Г. Пекарскимъ, въ Зап. Имп. Акад. II. 1864.

Полнѣйшее и замѣчательное изслѣдованіе о Словѣ о полку Игоревѣ принадлежитъ по моему мнѣнію князю П. П. Вяземскому [1]). Вполнѣ-ли вѣрны его сближенія пѣвца Игоря съ эллинскими рапсодами — это дѣло другое. Я не со всѣмъ съ этимъ согласенъ. Какъ онъ видитъ въ пѣвцѣ Игоря подражателя тому, что и само было подражаніемъ болѣе древнему и безсомнѣнія исконному образцу; такъ я вижу не подражательное, а прямое наслѣдственное подобіе славяно-русскихъ пѣвцовъ съ пѣснотворцами *Страны Слова — Бѣрата-варша*.

Передъ Словомъ о п. П., я почелъ необходимымъ помѣстить *лѣтописныя сказанія* о событіи, а также описки и ошибки затемнявшія подлинникъ, и исправленныя въ переводѣ.

---

[1]) См. Временникъ Имп. Моск. общ. Ист. и древ. Росс. Кн. XI, кн. XVII 1851. 1853 г.

ЛѢТОПИСНЫЯ СКАЗАНІЯ О ПОХОДѢ ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА, КНЯЗЯ НОВГОРОДЪ-СѢВЕРСКАГО НА ПОЛОВЦЕВЪ.

ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ, ПОДЪ 1186 ГОДОМЪ.

(изд. по пергамент. рук. 14 вѣка).

«Того-же лѣта сдумаша Олгови внуци на Половци, занеже бяху не ходили томъ лѣтѣ совсею князьею, но сами поидоша о себѣ, рекуще: «мы есмы ци не князи-же? такы-же собѣ хвалы добудемъ.» И сняшася у Переяславля *Ігорь съ двѣма сыномa* изъ Новагорода Сѣверьскаго, изъ Трубеча Всеволодъ братъ его, Олговичь Святославъ изъ Рыльска, и *Черниговьская помочь* и внидоша въ землю ихъ. Половци же услышавше поидоша, рекуще: «братья наша избита и отци наши, а друзіи изъимани, а се нонѣ на насъ идуть», послашася по всей земли своей, а сами поидоша къ симъ, и ждаша дружины своея, а си къ нимъ идуть къ вѣжамъ ихъ; они же не пустяче въ вѣжѣ срѣтоша ихъ, а дружины не дождавше, *и оступишася*, и побѣжени бывше Половци, и биша *и до вѣжь*, множство полона взяша, жены и дѣти. И стояша на вѣжахъ 3 дни веселяся, а рекуще: «братья наша ходили съ Святославомъ великимъ княземъ, и бились съ ними зря на Переяславль, а они сами къ нимъ пришли, а въ землю ихъ не смѣли по нихъ ити; а мы въ земли ихъ есмы, и самѣхъ избили, а жены ихъ полонены и дѣти у насъ; а нонѣ пеидемъ на нихъ за Донъ и до конця избьемъ ихъ, оже ны будеть ту побѣда, идемъ по нихъ и луку моря, гдѣ же не ходили ни дѣди наши, а возмемъ до конца свою славу и честь», а не вѣдуще Божья строенья. А остатокъ бьеныхъ тѣхъ бѣжаша, дружинѣ своей гдѣ бяху переже вѣсть послали, и сказаша имъ свою погыбель; они же слышавше поидоша къ нимъ,

а, по друзи послашася. И сняшася съ ними стрѣлци, и бишася 3 дни стрѣлци, а копьи ся не снимали, а дружины ожидаюче, *а къ водѣ не дадуче имъ ити;* и приспѣ къ нимъ дружина вся, многое множство. Наши же видѣвше пхъ, ужасошася и величанья своего отпадоша, не вѣдуще глаголемаго Пророкомъ: «нѣсть человѣку мудрости, ни есть мужства, ни есть думы противу Господеви»; *изнемогли бо ся бяху безводьемъ*, и кони и сами, въ зной и въ тузѣ, и поступиша мало къ водѣ, по 3 дни бо не пустили бяху пхъ къ водѣ. Видѣвше ратнiи устремишася на нь и притиснуша и къ водѣ, и бишася съ ними крѣпко, и бысть сѣча зла велми. друзiи конѣ пустиша къ нимъ, съсѣдше, и кони бо бяху подъ ними изнемогли. И побѣжени быша наши, гнѣвомъ Божьимъ, князи вси изъимани быша, а боляре и велможа и вся дружина избита, а другая изъимана, и та язвена; и възвратишася съ побѣдою великою Половци, а о нашихъ не бысть кто и вѣсть принеса, за наше согрѣшенье. Гдѣ бо бяше въ насъ радость, нонѣ же *въздыханье и плачь распространися*. Исаiя бо пророкъ глаголеть: Господи! въ печали помянухомъ тя, и прочая. И поиде путемъ гость, они же казаша рекуще: «поидѣте по свою ратью,б али мы идемъ по свою братью къ вамъ»; княземъ же всѣмъ слышавше таку погыбель о братьѣ своей, и до боляръ, возопиша вси, *и бысть плачь и стенанье*, овѣмъ бо братья избита и изъимана, а другымъ отци и ближикы. А князь Святославъ посла по сыны своѣ и по всѣ князи, и собрашася къ нему къ Кыеву, и выступиша къ Каневу. Половци же услышавше всю землю Русскую идуще, бѣжаша за Донъ; Святославъ же слышавъ пхъ бѣжавшихъ, възвратися къ Кыеву со всею князьею, и разидошася въ страны своя. Половци же услышавше пхъ отшедшихъ, гнаша отай къ Переяславлю, и взяша всѣ городы по Сулѣ и у Переяславля бишася весь день. Володимеръ же Глѣбовичь видѣ острогъ взимаемъ, выѣха изъ города къ нимъ въ малѣ дружинѣ, и потче къ нимъ, и бишася съ ними крѣпко, и обступиша князя злѣ; и видѣвше горожане изнемагающе своихъ, и вырнушася изъ города и бишася, *одва изотяша князя бодeного трeми копьи*, а дружины много избьено, и вбѣгоша въ городъ и затворишася; а они възвратишася со многымъ полономъ въ вѣжѣ. И по малыхъ днехъ *ускочи Игорь князь* у Половецъ: не оставить бо

Господь праведнаго въ руку грѣшничю, очи бо Господни на боящаяся его, а уши его въ молитву ихъ; гониша бо по немъ, и не обрѣтоша.

ИПАТЬЕВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ, ПОДЪ 1185 Г.

(изд. по рукоп. конца 14 или начала 15 вѣка).

Въ то же время *Святославичь Игорь, внукъ Олговъ*, поѣха изъ Новагорода, мѣсяца Апрпля въ 23 день, во вторникъ, поймя со собою брата Всеволода изъ Трубецка, и Святослава Олговича сыновця своего изъ Рыльска, и Володимера сына своего изъ Путивля, и у Ярослава испроси помочь Ольстина Олексича, Прохорова внука, съ Коуи Черниговьскими; и тако идяхуть тихо, сбираюче дружину свою: бяхуть бо у нихъ кони тучни велми. Идущимъ же имъ къ Донцю рѣкы, въ годъ вечерній, *Игорь же возрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяцъ*, и рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: «видите-ли что есть знаменіе се?» Они же узрѣвше, и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: «княже! се есть не на добро знаменіе се.» Игорь же рече: «*братья и дружино*! тайны Божія никтоже не вѣсть, а знаменію творецъ Богъ и всему міру своему; а намъ что створить Богъ, или на добро, или на наше зло, а то же намъ видити.» И то рекъ, перебреде Донець, и тако пріиде ко Осколу *и жда два дни брата своего Всеволода*, тотъ бяше шелъ инѣмъ путемъ *изъ Курьска;* и оттуда поидоша къ Салницѣ, ту же къ нимъ и сторожеви пріѣхаша, ихъ же бяхуть послалѣ языка ловитъ, и рекоша пріѣхавше: «видихомся съ ратнымы, ратници наши со доспѣхомъ ѣздять; да или поѣдѣте борзо, или возворотимся домовь, яко не наше есть веремя.» Игорь же рече съ братьею своею: «оже ны будеть не бившися возворотитися, то соромъ ны будеть пущей смерти; но како ны Богъ дасть.» И тако угадавше, и ѣхаша черезъ ночь, *заутра же пятьку наставшу, во обѣднее время усрѣтоша полкы Половецькіи*: бяхуть бо до нихъ доспѣлѣ, вѣжѣ своѣ пустили за ся, а сами собравшеся отъ мала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ рѣкы Сюурлія. И ти изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а поправу брата его Всеволожь,

а полѣву Святославль сыновця его, напередѣ ему сынъ Володимеръ и *другій полкъ Ярославль, иже бяху съ Ольстиномъ Коуеве*, а третій полкъ *напереди же стрѣлци*, иже бяхуть *отъ всихъ князій съведени*; и тако изрядиша полкы своя. И рече Игорь ко братьи своей: «братья! сего есмы искалѣ, а потягнемъ»; и тако пойдоша къ нимъ, положаче на Бозѣ упованіе свое. И яко быша къ рѣцѣ ко Сюурлію, и выѣхаша изъ *Половецьскихъ полковъ стрѣлци*, и пустивше по стрѣлѣ на Русь и тако поскочиша, Русь же бяхуть не переѣхалѣ еще рѣкѣ Сюурлія; поскочиша же и ти Половци силы Половецькіи, которіѣ же далече рѣкы стояхуть. Святославъ же Олговичь, и Володимеръ Игоревичь, *и Ольстинъ съ Коуи*, и стрѣлци поткоша по нихъ, а Игорь и Всеволодъ помалу идяста, не роспустяста полку своего, передніи же ти Русь биша ѣ, имаша; Половцѣ же пробѣгоша вѣжѣ, и Русь же дошедше вѣжь и ополонишася, друзіи же ночи пріѣхаша къ полкомъ съ полономъ. И яко собрашася Половци вси, и рече Игорь ко братома и къ мужемъ своимъ: «се Богъ силою своею возложилъ на врагы наша побѣду, а на насъ честь и слава; се же видихомъ полки Половецькіи, оже мнози суть, ту же ци вся си суть совокупили? нынѣ же поѣдемъ черезъ ночь, а кто поѣдеть заутра по насъ, то ци вси поѣдуть, по лучьшіи коньници переберуться, а самѣми какъ ны Богъ дасть». И рече Святославъ Олговичь строема своима: «далече есмь гонилъ по Половцехъ, а кони мои не могуть; аже ми будеть нынѣ поѣхати, то толико ми будеть на дорозѣ остати» — и поможе ему Всеволодъ, акоже облечи ту. И рече Игорь: «да недивно есть разумѣющи, братья, умрети» — и облегоша ту. Свѣтающи же суботѣ, начаша выступати полци Половецкіи, акъ борове; изумѣшася князи Рускіи, кому ихъ которому поѣхати, бысть бо ихъ безчисленое множество. И рече Игорь: «се вѣдаюче собрахомъ на ся землю всю: Концака, и Козубурновича, и Токсобица, Колобича, и Етебича, и Торьтробича». И тако угадавше *вси съсѣдоша съ коній, хотяхуть бо бьющеся дойти рѣкы Донця;* молвяхуть бо: «оже побѣгнемъ, утечемъ сами, а черныя люди оставимъ, то отъ Бога ны будетъ грѣхъ сихъ выдавше пойдемъ; но или умремъ, или живи будемъ на единомъ мѣстѣ». И та рекше вси сосѣдоша съ коней, и пондоша бьючеся; и тако, Божіимъ понуженіемъ, уязвиша Игоря

въ руку и умрътвиша щюйцю ево, и бысть печаль велика въ полку его, и воеводу имахуть, тотъ напереди язвенъ бысть. И тако бишася крѣпко ту днину до вечера, и мнози ранени и мертви быша въ полкохъ Рускихъ; наставши же нощи суботніи, и попдоша бьючися; бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмятошася *Ковуеве* въ полку, побѣгоша. *Игорь же бяшеть въ то время на конь, зане раненъ бяше,* пойде къ полку ихъ, *хотя возворотити къ полкомъ;* уразумѣвъ же яко далече шелъ есть отъ людій, и соймя шоломъ погна опять къ полкомъ, того дѣля, что быша познали князя и возворотилися быша; и тако не возворотися никтоже, но токмо Михалко Гюргевичь познавъ князя возворотися; не бяхуть бо добрѣ смялися съ Ковуи, но мало отъ простыхъ или кто отъ отрокъ боярьскихъ, добри бо вси бьяхуться идуще пѣши — и посредп ихъ Всеволодъ не мало мужьство показа. И яко приближися Игорь къ полкомъ своимъ, и переѣхаша поперекъ и ту яша, единъ перестрѣлъ одалѣ отъ полку своего. Держимъ же Игорь видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своей смерти, яко да бы не видилъ паденія брата своего; Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружья въ руку его не доста, и бьяху бо ся идуще вкругъ при езерѣ. *И тако, во день святаго Воскресенія, наведе на ня Господь гнѣвъ свой, въ радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье мѣсто желю,* на рѣцѣ Каялы. Рече бо дѣи Игорь: «помянухъ азъ грѣхы своя предъ Господемъ Богомъ моимъ, яко много убійство, кровопролитье створихъ въ землѣ крестьяньстѣй, яко же бо азъ не попадѣхъ хрестьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиньніи хрестьани, отлучаеми отець отъ роженій своихъ, братъ отъ брата, другъ отъ друга своего, и жены отъ подружій своихъ, и дщери отъ матерій своихъ, и подруга отъ подругы своея, и все смятено плѣномъ и скорбью тогда бывшею, живіи мертвымъ завидять, а мертвіи радовахуся, аки мученици святѣи огнемъ отъ жизни сея искушеніе пріемши, старцѣ порѣвахуться, уноты же лютыя и немплостивыя раны подъяша, мужи же пресѣкаеми и разсѣкаеми бывають, жены же оскверняеми; и та вся створивъ азъ «рече Игорь», не достойно ми бяшеть жити; и се нынѣ вижю отместье отъ Господа Бога моего; гдѣ нынѣ возлюбленый мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чадо ро-

женія моего? гдѣ бояре думающѣи, гдѣ мужи храборьствующѣи, гдѣ рядъ полчный? гдѣ кони и оружья многоцѣньная? не ото всего ли того обпажихся, и связня преда мя въ рукы безаконьнымъ тѣмъ? се возда ми Господь по безаконію моему и по злобѣ моей на мя, и снидоша днесь грѣси мои на главу мою, пстиненъ Господь и прави суди его зѣло, азъ же убо не имамъ со живыми части; се нынѣ вижю другая мученія вѣньца пріемлюще, почто азъ единъ повинный не пріяхъ страсти за вся си? но Владыко Господи Боже мой, не отрини мене до конца, но яко воля твоя, Господи, тако и милость намъ рабомъ твоимъ»; и тогда *кончавшюся полку*, розведени быша, и пойде кождо во своя вѣжа. Игоря же бяхуть или Тарголове, мужь именемъ Чилбукъ, а Всеволода брата ето ялъ Романъ Кзичь, а Святослава Олговича Елдечюкъ *въ Вобурчевичехъ*, а Володимера Копти *въ Улашевичихъ*. Тогда же на полчищи *Кончакъ* поручися по свата Игоря, *зане бяшеть раненъ*. Отъ толикихъ же людій мало ихъ избысть, нѣкакомъ полученіемъ, не бяшеть бо лзѣ ни бѣгаючимъ утечи, зане яко стѣнами силными огорожени бяху полкы Половецькими; можахуть Русь съ 15 мужь утекши, а Ковуемъ мнѣе, а прочіи въ морѣ истопоша. Въ то же время великый князь Всеволодичь Святославъ шелъ бяшеть въ Корачевъ, и сбирашеть отъ верхънихъ земль вои, хотя пти на Половци къ Донови на все лѣто. Яко возворотися Святославъ и бысть у Новагорода Сѣверьского, и слыша о братьи своей, оже шли суть на Половци, утавшеся его: и не любо бысть ему. Святославъ же идяше въ лодьяхъ и яко приде къ Чернигову, и во той годъ прибѣже Бѣловолодъ Просовичь, и повѣда Святославу бывшее о Половцѣхъ; Святославъ же то слышавъ и вельми воздохнувъ, *утеръ слезъ своихъ* и рече: «о люба моя братья и сынове и мужѣ землѣ Рускоѣ! далъ ми бы Богъ притомити поганыя, но не *воздержавше упости отвориша ворота на Русьскую землю*, воля Господня да будеть о всемъ; да како жаль ми бяшеть на Игоря, тако нынѣ жалую болши по Игорѣ братѣ моемъ». Посемъ же Святославъ посла сына своего Олга и Володимера въ Посемье: то бо слышавше возмятошася городи Посемьскіе, и бысть скорбь и туга люта, якоже николиже не бывала во всемъ Посемьи, и въ Новѣгородѣ Сѣверьскомъ, и по всей волости Черниговьской, князи изымани и дружина изымана, избита; и мятяхуться акы въ мутви,

городи воставахуть и не мило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнозѣ тогда отрекахуся душь своихъ, жалующе по князихъ своихъ. Посемъ же посла Святославъ ко Давыдови Смоленьску, река: «рекли бяхомъ пойти на Половци и лѣтовати на Донѣ; нынѣ же Половци се побѣдилѣ Игоря, и брата его сыномъ; а поѣди, брате, постереги землѣ Рускоѣ». Давыдъ же приде по Днѣпру, придоша же *ины помоци* и сташа у Треполя, а Ярославъ въ Черниговѣ совокупивъ вои свои стояшеть. Поганыи же Половци побѣдивше Игоря съ братьею, и *взяша гордость велику* и съвокупиша всь языкъ свой на Рускую землю; и бысть у нихъ котора: *молвяшеть бо Кончакъ*: «пойдемъ на Кіевьскую сторону, гдѣ суть избита братья наша и великый князь нашь Бонякъ»; *а Кза молвяшеть*: «пойдемъ на Семь, гдѣ ся осталѣ жены и дѣти, готовъ намъ полонъ собранъ, смлемъ же городы безъ опаса»; и тако раздѣлишася надвое, Кончакъ пойде къ Переяславлю и оступи городъ, и бишася ту весь день. Володимеръ же Глѣбовичь бяше князь въ Переяславлѣ, бяше же дерзъ и крѣпокъ къ рати, выѣха изъ города и потче къ нимъ, и по немъ мало дерьзнувъ дружинѣ, и бися съ ними крѣпко; и объступиша мнозіи Половцѣ, тогда прочіи видивше князя своего крѣпко бьющеся, вырвнушася изъ города, и тако отъяша князя своего, язвена сущи тремя копьи. Сій же добрый Володимеръ язвенъ труденъ въѣха во городъ свой, и утре мужественаго пота своего за отчину свою. Володимеръ же слашеть ко Святославу, и ко *Рюрикови*, и ко *Давыдови*, и рече имъ: «се Половьци у мене, а помозите ми»; Святославъ же слашеть ко Давыдови, а Давыдъ стояшеть у Треполя со Смолняны. Смолняне же почаша вѣче дѣяти, рекуще: «мы пошли до Кіева, да же бы была рать, бился быхомъ; намъ ли иноѣ рати искати, то не можемъ, уже ся есмы изнемоглѣ»; Святославъ же съ Рюрикомъ и со инѣми помочьми влегоша во Днѣпръ, противу Половцемъ, *а Давыдъ* возвратися опять со Смолняны. То слышавше Половци, и возвратишася отъ Переяславля, идущи же мимо *приступиша къ Римови; Римовичи же затворишася въ городѣ*, и воилѣзше на заборолѣ, и тако, Божіимъ судомъ, летѣста *двѣ городници съ людми*, тако къ ратнымъ, и на прочая гражаны найде страхъ, да которѣи же гражане выйдоша изъ града и *бьяхуться ходяще по Римьскому болоту*, то тѣ и избыша плѣна, а кто ся

осталъ въ городѣ, и тѣ вси взяти быша. Володимеръ же слашѐться ко Святославу Всеволодичю и ко Рюрикови Ростиславичю, понужива̀я ихъ къ собѣ, да быша ему помоглѣ; они же опоздишася сжидающе Давыда (со) Смолняны, и тако князѣ Рускіѣ опоздишася и не заѣхаша ихъ. *Половци же вземше городъ Римовъ*, и ополонишася полона и пойдоша восвояси; князи же возворотишася въ домы своя, бяхуть бо печални, и со сыномъ своимъ Володимеромъ Глѣбовичемъ, *зане бяшѐть раненъ велми язвами смертьными*, и хрестьянъ плѣненыхъ отъ поганыхъ. И се Богъ казня ны, грѣхъ ради нашихъ наведе на ны поганыя, не аки милуя ихъ, но насъ казня и обращая ны къ покаянью, да быхомся востягнули отъ злыхъ своихъ дѣлъ; и симъ казнить ны нахожениемъ поганыхъ, да некли смиривъшеся воспомянемся отъ злаго пути. А друзіи Половцѣ идоша по оной сторонѣ къ Путивлю, *Кза у силахъ тяжькихъ*, и повоевавши волости ихъ и села ихъ пожгоша, пожгоша же и острогъ у Путивля и возвратишася восвояси. Игорь же Святославличь тотъ годъ бяшѐть въ Половцехъ, и глаголаше: «азъ по достоянью моему воспріяхъ побѣду отъ повелѣнія твоего, Владыко Господи, а не поганьская дерзость обломи силу рабъ твоихъ; не жаль ми есть за свою злобу пріяти нужная вся, ихъ же есмь пріялъ азъ». Половци же аки сгыдяшеся воевъдъства его и но творяхуть ему, но приставиша къ нему сторожовъ 15 отъ сыновъ своихъ, а господичичевъ пять, то тѣхъ всихъ 20: *по волю ему даяхуть, гдѣ хочеть ту ѣздяшѐть и ястрябомъ ловяшѐть, а своихъ слугъ съ 5 и съ 6 съ нимъ ѣздяшѐть;* сторожеве же тѣ слушахуть его и чьстяхуть его, и гдѣ послашѐть кого, безъ пря творяхуть повелѣное имъ. Попа же бяшѐть привелъ изъ Руси къ собѣ, со святою службою: не вѣдяшѐть бо Божія промысла, но творя̀шѐться тамо и долго быти. Но избави и Господь за молитву хрестьяньску, имъ же миозѣ печаловахуться и проливахуть же слезы своя за него. Будущю же ему въ Половцехъ, тамо ся налѣзѣ мужь, *родомъ Половчинъ, именемъ Лаворъ:* и тотъ пріимъ мысль благу, и рече: «мойду съ тобою въ Русь». Игорь же испѐрва не имяшѐть ему вѣры, но держаше мысль высоку своея уности, мышля̀шѐть бо емпе мужь и бѣжати въ Русь, молвя̀шѐть бо: «азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда отъ дружины, и нынѣ не славнымъ путемъ не имамъ пойти». Съ нимъ бо бя̀шѐть тысячкого

сынъ и конюшій его, и та нудяста и глаголюща: «пойди, княже, въ землю Рускую, аще восхощеть Богъ избавить тя»; и не угодися ему время таково, какого же искаше. Но яко же преже рекохомъ, возвратишася отъ Переяславля Половци: и рекоша Игореви думци его: «мысль высоку и неугодну Господеви имѣешь въ собѣ, ты ищеши няти мужа и бѣжати съ нимъ; а о семъ чему не разгадаешь, оже пріѣдуть Половци съ войны, а се слышахомъ, оже избити имъ князей васъ и всю Русь? де не будеть славы тобѣ, ни живота». Князь же Игорь пріимъ во сердце съвѣтъ ихъ, уполошася пріѣзда ихъ и возъиска бѣжати: не бяшеть бо ему лзѣ бѣжати въ день и въ нощь, яже сторожеве стрежахуть его, но токмо и веремя таково обрѣте въ заходъ солнца. И посла Игорь къ Лаврови конюшого своего, река ему: «переѣди на ону сторону *Тора*, съ конемъ поводнымъ»: бяшеть бо съвѣчалъ съ Лавромъ бѣжати въ Русь. Въ то же время Половци *напилися бяхуть кумыза*, а и бы при вечерѣ: *пришедъ конюшій повѣда князю своему Игореви, яко ждеть его Лаворъ*. Се же вставъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонися образу Божію и кресту честному, глаголя: «Господи сердцевидче! аще спасеши мя, Владыко, ты недостойнаго» — и возмя на ся крестъ, икону, и подойма стѣну и лѣзе вонъ. Сторожемъ же его играющимъ и веселящимся, *а князя творяхуть спяща*. Сіи же пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ, и всѣде на конь: и тако поидоста сквозѣ вѣжа. Се же избавленіе створи Господь въ пятокъ, въ вечерѣ. И иде ишь 11 день до города Донця, и оттолѣ иде во свой Новъгородъ — *и обрадовашася ему;* изъ Новагорода иде ко брату Ярославу къ Чернигову, помощи прося на Посемье, Ярославъ же обрадовася ему и помощь ему дати обѣща; Игорь же оттолѣ ѣха ко Кіеву къ великому князю Святославу, и радъ бысть ему Святославъ, также и Рюрикъ сватъ его.

ОШИБКИ

ВЪ ПОДЛИННИКѢ СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

1 Боянъ	вмѣсто	бо Янъ. Смотри	Предисловіе.
2, похоти	—	похыти. —	Поясненіе 10.
3. жалость	—	жадость. —	10.
4. Спала	—	Опала. —	10.
5. свивая	—	спѣвая. —	11.
6. Трояни	—	Краяни.	11, 37, 48, 97.
7. въстазбѫ	—	въста абы. —	18.
8. не	—	за. —	22.
9. помчаша	—	понмаша. —	23.
10. Ортмами	—	Орницами. —	24.
11. Дремлеть	—	Гремлеть. —	25.
12. потручати	—	потргати. —	28.
13. отступиша	—	оступиша. —	31.
14. вои	—	вѫги (враги). —	33.
15. вѣчи	—	сѣчи. —	37.
16. То же	—	тъй же (тотъ же). —	39.
17. канину	—	конѣцъ (конечную). —	41.
18. Святополкъ	—	Ярополкъ. —	42.
19. повелья	—	по валѣ я. —	42.
20. давеча	—	далеча. —	46.

21. Карна и жля	—	карья и жля (желя).	—	50.
22. поскочи	—	поскоми.	—	50.
23. Сы нощь	—	всю нощь	—	59.
24. босуви	—	Бусови.		60, 66.
25. не сошлю	—	несошась.	—	62.
26. Се уримъ	—	Се у Римъ (Римова)	—	73.
27. Чага	—	Ичага.	—	75.
28. Осмомысле	—	Остромысле.	—	80.
29. времены	—	бремены.	—	82.
30. не бологомъ	—	по волокомъ.	—	88.
31. онымъ	—	онамо.	—	91.
32. Двина	—	Десна.	—	91.
33. Полочаномъ	—	Половчаномъ.	—	91.
34. Изяславъ	—	Всеславъ.	—	92.
35. схоти ю	—	схити ú (его).	—	95.
36. Которое	—	кóторы.	—	96.
37. на вьць	—	на зéмли.	—	97.
38. клюками	—	клъками.	—	99.
39. отныхъ	—	отопуду.	—	101.
40. стрикусы	—	стрѣльницы	—	103.
41. Коніа поютъ на Дунаи.	—	Коній поятъ на Дунаи.	—	108.
42. Ярославнымъ	—	Ярославны ми.	—	109.
42. не быть	—	избыть.	—	120.

СЛОВО

О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ

ИГОРЯ СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ

ВНУКА ОЛЬГОВА.

Не лѣпо ли ны бяшеть (1), братіе, начати старыми словесы (2) трудныхъ повѣстій (3) о полку Игоревѣ, Игоря Святъславлича?

Начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени (4), а не по замышленію (5) Бояню; Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растъкашется мыслію по древу, (6) сѣрымъ волкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы.

Помняшеть бо речь первыхъ временъ усобицѣ; тогда пущашеть ѵ соколовъ (7) на стадо лебедей; которой дотечаше, та преди пѣснь пояше, старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ полкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю.

Боянъ же, братіе, не ѵ соколовъ на стадо лебедей пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами Княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера (8) до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ, наполнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя полкы на землю Половецькую за землю Рускую.

Не славно ли было бы, братья, начать древнимъ словомъ побѣдныхъ повѣстей о подвигѣ Игоря, Игорь-Святъславича;

Но пѣсни начаться той по сказаніямъ нашей поры, а не по вдохновенію Яна:

Когда вѣщій Янъ замышлялъ кому пѣснь, то онъ разстилался мыслью по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облаками, и вспоминая преданья о междоусобіяхъ давнихъ временъ, онъ десять своихъ соколовъ выпускалъ на лебединое стадо; къ которой коснется, та лебедь и пѣснь запоетъ Ярославу, и храброму Князю Мстиславу, что Редедю сразилъ предъ полками Косоговъ, или прекрасному Князю Роману Святъславичу.

Но, братья, не соколовъ онъ выпускалъ на лебединое стадо, а вѣщія персты свои возлагалъ на живыя онъ струны. И сами тѣ струны во славу Князей рокотали.

Начнемъ-те же, братья, повѣсть отъ Владимира древняго Князя до Игоря нашихъ временъ, который разширивъ умъ крѣпостью силъ, изостривъ мужествомъ сердце, исполнился ратнаго духа, привелъ свое храброе войско въ Половецкую землю, за землю родную.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, (9) и рече Игорь къ дружинѣ своей:

«Братіе и дружино! лучежъ бы потяту быти, неже полонену быти; а всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони, да повримъ синяго Дону.»

Спала *Князю умъ* похоти, *и* жалость *ему знаменіе заступи искусити Дону великаго. (10)*

«Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкого съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону.»

О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа полкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы обаполы сего времени, (11) рища въ тропу трояню *(12) чресъ поля на горы, пѣти было пѣснѣ Игореви, того внуку.*

Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону великому; чили въспѣти было вѣщей Бояне Велесовъ внуче! (13)

Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы, трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода.

И рече ему буй туръ (14) Всеволодъ:

«Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба есвѣ Святъславличя; съдлай, брате, свои бръзыи (15) комони, а мои ти готови осѣдлани у Курьска на переди; а мои ти Куряни свѣдоми къмети, (16) подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, конець копія въскръмлени, пути имъ вѣдоми, яру-

И вскинулъ онъ взоры на свѣтлое солнце, и видѣлъ, что солнце не свѣтомъ, а тьмою прикрыло все войско. И молвилъ онъ храброй дружинѣ:

«Братья мои и дружина! лучше погибель, чѣмъ плѣнъ! Возсядемъ же, братья, на борзыхъ коней, да посмотримъ мы синяго Дона!“

Запальчивость Князя умъ увлекла, а жажда испить изъ великаго Дона, знаменье неба собой заслонила:

«Хочу съ вами, Русичи, на грани полей Половецкихъ, копье преломить, хочу положить свою голову, или шлемомъ напиться изъ Дону!»

О Янъ, соловей дней прошедшихъ! если бы ты защелкалъ про этотъ подвигъ, скача, соловей, по мысленну древу, летая умомъ въ облака, спѣвая намъ современную славу, рыская въ тропу Трояны чрезъ поля и горы, тебѣ бы пѣть пѣснь Игорю Олегову внуку:

«Не буря занесла соколовъ чрезъ поля широкія, и галичье стадо мятется къ великому Дону. . .» Не тебѣ ли то пѣть было вѣщій Янъ, потомокъ Велеса?

Ржутъ кони за Сулой, звенитъ слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ Новѣ-градѣ, стоятъ уже стяги въ Путивлѣ, и Игорь ждетъ милаго брата.

И вотъ, говоритъ ему буй-туръ Всеволодъ:

«Одинъ братъ, одинъ мой свѣтъ свѣтлый, ты Игорь— мы Святославичи оба »

«Сѣдлай же, братъ Игорь, своихъ борзыхъ коней, мои впереди на готовѣ, у Курска стоятъ подъ сѣдломъ. Куряне мои смышленые кметы, подъ трубами повиты, подъ шлемомъ влелѣяны, концомъ копья вскормлены, пути имъ извѣстны, ущелья

ты имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, (17) сабли изострени, сами скачютъ акы сѣрыи волци въ полѣ, ищучи себе чти, а Князю славѣ.»

Тогда въступи Игорь Князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ въ стазби, *(18) дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тмутороканьскый блъванъ. (19).*

А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому; крычатъ телѣгы (20) полунощы, рци лебеди распущени.

Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасетъ птицъ; подобію волци грозу въсрожатъ (21) по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чрълеными щиты.

О руская земле! уже за Шеломянемъ (22) еси, длъго. Нощь мрькнетъ, заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славій усне, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а Князю славы.

Съ зараніа въ пятокъ потопташа поганыя полкы Половецкыя; и рассушясь стрѣлами по полю, помчаша (23) красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты; ортъмами *(24) и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи Половецкыми. Чрълень стягъ, бѣла хорюговь чрълена чолка, сребрено стружіе храброму Святъславличю.*

Дремлетъ *(25) въ полѣ Олгово хороброе гнѣздо далече за-*

знакомы; ихъ луки натянуты, тулы отворены, отточены сабли; они мчатся въ поле, какъ сѣрые волки, ища себѣ чести, а Князю славы.

И вотъ вступилъ Игорь Князь въ стремя златое, поѣхалъ по чистому полю; а солнце вдругъ тьмой ему путь заступило, а ночь застонала грозою и птицъ пробудила. Свистъ звѣриный поднялся, будто дивъ съ верху древа закликалъ, сзывая на помочь далекія земли—Поволжье, Поморье, Посулье, Суражъ и Корсунь, и тебя Тмутороканскій болванъ.

Бѣгутъ уже Половцы, не битымъ путемъ не дорогой, къ великому Дону. Телѣги скрипятъ, словно крикъ лебедей растерявшихся въ полночь.

Князь Игорь къ Дону дружину ведетъ; а бѣду его сторожатъ уже птицы, и словно волки въ ущельяхъ грозу накликаютъ, и будто орлы клектомъ сзываютъ на кости звѣрей, и брешутъ лисицы на багряные щиты. О, Русская земля, ты уже за Шеломью, далеко! Ужъ ночь наступаетъ, заря-свѣтъ погасла, мгла поле покрыла, и щебетъ уснулъ соловьиный, а галичій говоръ проснулся.

Щитами багряными перегородили Русичи обширныя степи, ища себѣ чести, а Князю славы. Съ заранья въ пятокъ, потоптали поганыя полчища Половцевъ; какъ стрѣлы разсыпались по полю, забрали въ плѣнъ красныхъ дѣвъ Половецкихъ, а съ ними и злато, и паволоки и драгіе аксамиты, а оринцами и япончицами, шубками и узорочьями, чрезъ болота и топи мосты намостили; красный же стягъ, бѣлое знамя, червонная челка, (·) серебряный стержень (··)—храброму Игорю.

Гремитъ въ поле Олегово храброе племя, въ далекую

(·) *Челка*—кисть стяга, (··) *стружіе—стрѣжа*, стержень, копьецо, стрѣлка стяга.

летѣло; небылонъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ черный воронъ, поганый Половчине.

Гзакъ бѣжить сѣрымъ волкомъ; Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають; черныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыти д҃ солнца; (26) а въ нихъ трепещуть синіи млъніи Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великого: (27)

Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати (28) о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ у Дону великого.

О Руская земле! уже за Шеломянемъ еси. Се вѣтри, Стрибожи (29) внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя полкы Игоревы! Земля тутнеть, (30) рѣкы мутно текуть; пороси поля прикрывають; стязи глаголютъ, Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ Рускыя полкы отступиша. *(31) Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русици преградиша чрълеными щиты.*

Яръ туре Всеволодѣ! (32) стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, (33) гремлеши о шеломы мечи харалужными (34). Камо туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе яръ туре Всеволоде.

Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чернигова, отня злата стола, и своя милыя хоти (35) красныя Глѣбовны, свычая и обычая? (36)

даль залетѣло. Не на обиду оно уродилось, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный вранъ, Половчанинъ!

Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ, Кончакъ правитъ слѣдъ ему къ великому Дону.

Въ раннее утро другаго дня, кровавыя зори свѣтъ повѣщаютъ. Черныя тучи съ моря идутъ, хотятъ затьмить день: въ нихъ синія молньи трепещутъ.

Быть грому великому, идти дождю стрѣлъ отъ великаго Дона; и тутъ, на рѣкѣ на Каялѣ, копіямъ преломиться и саблямъ разлетѣться о Половецкіе шлемы!

О Русская земля, ты уже за Шеломью!

Чу, вѣтры, Стри-божіи чада, вѣютъ съ моря стрѣлами на храброе воинство Игоря.

Дрожитъ земля, возмутилися рѣки, тучами праха покрылись поля; знамены шумятъ—Половцы идутъ отъ Дона, отъ моря, и со всѣхъ сторонъ обступаютъ Русскую рать. Бѣсовы дѣти кликомъ поля перегородили, а храбрая Русь перегородила багряными щитами.

Яръ-туръ Всеволодъ! ты стоишь въ оборонѣ и прыщешь на враговъ стрѣлами, гремишь о шлемы мечами воронеными.

Куда, туръ, подскочишь, посвѣчивая златымъ своимъ шлемомъ, тамъ и лежатъ Половецкія головы, изщепаны каленымі саблями Оварскіе шлемы — тобою, яръ-туръ Всеволодъ!

Какія дороги раны, братья, забывшему почесть и жизнь, и града Чернигова, отній престолъ золотой, и милую сердца прекрасную Глѣбовну, и свои свычаи и свои обычаи?

Были сѣчи троянѣ, *(37) минула лѣта Ярославля; были полци Олговы, Олга Святъславличя. Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, (38) и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тмутороканѣ. То же звонъ слыша давный великый Ярославь сынъ Всеволожь а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ. (39)*

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, (40) и на канину зелену паполому постла, (41) за обиду Олгову храбра и млада Князя.

Съ тояже Каялы Святополкъ по велѣ *я (42) отца своего междю Угорьскими иноходцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву.*

Тогда при Олзѣ Гориславличи (43) сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа (44) внука, въ Княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть (45) нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе.

То было въ ты рати, и въ ты полкы; а сицеи рати не слышано:

Съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя; гримлють сабли о шеломы; трещать копіа харалужныя, въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чрѣна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровію польяна; тугою взыдоша по Руской земли.

Что ми шумить, что ми звенить далечи *(46) рано предъ зорями? Игорь полкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода.*

Были сѣчи Крапны, и минуло время Ярослава; были битвы Олега, Олега Святославича, и онъ то Олегъ, ковавшій крамолы мечемъ и сѣявшій стрѣлы, въ Тмуторокани во стремя злагое вступаетъ. И онъ же, слышалъ звонъ (призывъ) внука давняго Великаго Ярослава, сына Всеволодова, Владимира, постоянно, въ Черниговѣ, закладывалъ уши.

Бориса же Вячеславича, храбраго, юнаго Князя, слава на судъ привела, и уложила его на конечный зеленый покровъ, за бѣду Олега.

Съ той же Каялы повезъ Ярополкъ, послѣ битвы, отца своего къ святой Софіи, въ Кіевъ, на угорскихъ двухъ иноходцахъ.

Тогда, при Олегѣ, Горпславичи сѣялись и росли междоусобьями, и погибала жизнь Дажь-божьяго внука, въ Княжихъ крамолахъ человѣческій вѣкъ сократился.

И рѣдко тогда, по Русской землѣ, ратаевъ голосъ былъ слышенъ; по часто каркали враны на трупахъ и слышался галичій говоръ и сборы летѣть на покормку.

Такъ было въ тѣ рати и въ тѣ ополченья, а объ рати подобной и не слыхано было.

Съ заранья до вечера, а съ вечера до утра, каленыя стрѣлы летятъ, сабли гремятъ о шеломы, булатныя копья трещатъ, въ невѣдомомъ полѣ среди земли Половецкой.

Черна-земля, подъ копытами, костьми была посѣяна, а кровью полита, и горемъ взошла на Русской землѣ!

Что зашумѣло, что зазвучало, вдали, передъ ранней зарею?

То Игорь ворочаетъ къ бою полки: жаль ему Всеволода, милаго брата.

Бишася день, бишася другый, (47) третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы.

Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо стугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братіе, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыли.

Въстала обида въ силахъ Дажь-божа внука, (48) вступила дѣвою на землю трояню, *въсплескала лебедиными крылы на синемъ море у Дону плещучи, убуди жирня времена.*

Усобица Княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо брать брату: се мое, а то мое же; и начяша Князи про малое, се великое мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати; а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.

О, далече зайде соколъ, птиць бья къ морю; а Игорева храбраго полку не крѣсити. (49).

За нимъ кликну карна *и* жля *(50)* поскочи *по Рускои земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ (51).*

Жены Рускыя въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати.

А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по Рускои земли! печаль жирна тече средь земли Рускый; а Князи сами на себе крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ (52) отъ двора.

Тіи бо два храбрая Святъславличи, Игорь и Всеволодъ, уже лжу (53) убуди, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславь грозный Великый Кіевскый.

И бьется онъ день, и бьется другой, а на третій день въ полдень—стяги Игоря пали.

И тутъ разлучилися братья, на берегѣ быстрой Каялы. Тутъ, кроваваго вина не достало, тутъ храбрые Русичи докончили пиръ свой, сватовъ упоили, а сами слегли за Русскую землю. Жалобно ничетъ трава, со стономъ къ землѣ приклонилося древо!

О, братья, не веселое время настало: пустыни силу прикрыли. Настала обида въ силахъ Дажь-божьяго внука, дѣвой вступила на землю Крапны, восплѣскала лебедиными крыльями на синемъ морѣ у Дону, и плескомъ напомнила время благое.

И въ распряхъ погибла сила Князей противу невѣрныхъ, и молвилъ братъ брату: это мое, и то мое же; и начали Князи ничтожное славить великимъ, и сами на себя крамолы ковать; а враги отовсюду съ побѣдами шли на Русскую землю.

О, далече занесся соколъ, сбивая птицъ къ морю; а храброму полку Игоря не воскреснуть! Заголосили поники по немъ, и скорбь застонала по Русской землѣ.

Солнце затмилося, стало какъ мѣсяцъ младой, метая огонь изъ пламенныхъ рогъ; а русскія жены, рыдая вопили: «уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслью замыслить, ни думой задумать, ни окомъ завидѣть, а златомъ и сѣребромъ намъ ужъ не звякнуть.»

Уже возстонаЛъ, братья, скорбію Кіевъ, а Черниговъ напастьми; разлилась тоска и широко течетъ печаль среди Русской земли; а Князи сами на себя крамолу ковали, а поганые сами съ побѣдами рыскали по Русской землѣ, сбирая дани по бѣлѣ съ двора.

И эти то храбрые два Святославича, Игорь и Всеволодъ, зло пробудили, которое грозный, Великій Князь Кіевскій Святославъ, ихъ отецъ, усыпилъ.

Грозою бяшеть, притрепеталъ своими силными полкы и харалужными мечи: наступи на землю Половецкую; притопта хлъми и яругы; взмути рѣки и озеры; иссуши потоки и болота, а поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ полковъ Половецкихъ, яко вихръ выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ въ гридницѣ Святъславли.

Ту Нѣмцы и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, кають Князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкыя, Рускаго злата насыпаша. Ту Игорь Князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кощіево (54).

Уныша бо градомъ забралы, а ввеселіе пониче.

А Святъславь мутенъ сонъ видѣ: «въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахъте мя, рече, чръною паполомою, на кроваты тисовѣ. (55) Чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахутьми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ (56) великый женчюгь (57) на лоно, и нѣгуютъ мя. Уже дьскы безъ кнѣса (58) ввмоемъ теремѣ златовръсемъ. Всю нощь съ вечера (59) бусови *врани възграяху, (60) у Плѣсньска на болони (61) бѣша дебрь Кисаню, и* не сошли *(62) къ синему морю.*

И ркоша бояре Кнѣзю: «уже Княже туга умь полонила; се бо два сокола слетѣста съ отня стола злата, поискати града Тмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самаю опутоша въ путины жѣлезны.

Поднявшись грозой, разгромилъ онъ своими могучими силами и каленымі мечами Половецкую землю; притопталъ и холмы и овраги, возмутилъ и озера и рѣки, пзсушилъ и потоки и топи, и выхватилъ вихремъ Кобяка изъ излучины моря, изъ великихъ желѣзныхъ полковъ Половецкихъ, и палъ Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Князя Святъслава.

Тамъ Нѣмцы, Венеты, тамъ Греки, Морава, славу поютъ Святославу, каютъ Игоря Князя, за то что на днѣ онъ Каялы, рѣки Половецкой, погрузилъ тукъ богатства, засыпалъ рѣку Русскимъ златомъ. Тамъ, Игорь Князь пересѣлъ изъ сѣдла золотаго, въ сѣдло кощея.

Опали градскія забралы, веселье поникло; а Святославъ недобрый сонъ видѣлъ, и молвилъ:

«Всю ночь, съ вечера, на горахъ въ Кіевѣ, прикрывали меня чернымъ покровомъ, на тисовой кровати, и черпали мнѣ синее вино съ горемъ смѣшано, и сыпали мнѣ изъ туловъ пустыхъ поганую тлю, какъ крупный жемчугъ на лоно, и нѣговали меня.

«Въ моемъ златоверхомъ теремѣ, всѣ брусья были безъ связи!

«Всю ночь съ вечера, Бусовы враны прокаркали на подольѣ у Плѣсньска, въ Кисановой дебри, и понеслися къ синему морю.»

И молвили Князю бояре:

«Уже, Князь, тоска умъ полонила: слетѣли два сокола съ отняго златаго престола, извѣдать гдѣ Тмуторокань, или шлемомъ напиться изъ Дона; и у тѣхъ соколовъ уже крылья отбили сабли поганыхъ, да и сами они ужъ окованы въ желѣзныя путы.»

Тьмно бо бѣ въ день: два солнца померкоста, оба багряная стлъпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца.

Олегъ и Святъславъ (63) тъмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тъма свѣтъ покрыла; по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо (64), и въ морѣ попрузитеся, и великое буйство подасть Хинови. Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже врѣжеся дивь на землю.

Се бо Готѣскыя красныя дѣвы (65) въспѣша на брезѣ синему морю. Звоня Рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, (66) лелѣютъ месть Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселія!

Тогда Великый Святъславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: «о моя сыновця Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити (67), а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго и многовои брата моего Ярослава съ Черниговьскими былями, (68) съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры, и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы. Тіи бо бес щитовъ съ засапожникы (69) кликомъ полкы побѣждають, звонячи въ прадѣднюю славу. Нъ рекосте; мужаимься сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ. (70).

А чи диво ся братіе стару помолодити: коли соколъ въ мытехъ (71) бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ

Темно было въ третій день: солнце померкло, багряные оба столпа погасли, а съ ними и молодой мѣсяцъ.

Поволоклось мракомъ и чело Олега и Святослава; на рѣкѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Русской землѣ распростерлися Половцы, какъ рысье отродье, затопили все моремъ и дерзость великую Ханамъ внушили.

Напала хула на хвалу, разразилась нужда на довольство, и рипулось диво на землю: красныя Гоѳскія дѣвы запѣли на берегѣ синяго моря; звеня Русскимъ златомъ, поютъ онѣ Бусово время и месть Шарукана лелѣютъ.

А мы, о дружина! мы жаждемъ веселья!

Тогда Святославъ, изронилъ слово златое слезами облитое, молвилъ:

«О, мои сыновцы, Игорь и Всеволодъ! рано вамъ Половецкую землю разить мечами, а себѣ славы искать:

«Нечестно бы вы одолѣли, какъ нечестно поганую пролили кровь.

«Сердца ваши храбрые скованы въ жестокомъ горнилѣ, а въ буйствѣ закалены.

«И что же вы сдѣлали съ моей сѣдиной серебристой?

«Я ужъ не вижу области сильнаго и богатаго, многоратнаго брата моего Ярослава съ Черниговской вольницей—съ Могутами, Татранами, Шельбирами, Топчаками, Ревугами и съ Ольберами.

«Они безъ щитовъ, съ одними ножами, кликомъ полки побѣждаютъ, звоня въ славу предковъ и возглашая: «мужаемся други, возгримся прошедшею славой, подѣлимся славой грядущей!»

«Да и диво ли, братья, и старому помолодѣть:

«Когда соколъ въ мыту, высоко птицъ онъ взбиваетъ, гнѣзда своего не дастъ онъ въ обиду.

гнѣзда своего въ обиду. Ѣ се зло: Княже ми не пособіе; на ниче ся годины обратиша.» (72)

Се урнмъ *(73) кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову.*

Великый Княже Всеволоде! не мыслію ти прилетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти. Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, (74) а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага *(75) по ногатѣ, (76) а Кощей (77) по резанѣ. Ты бо можеши посуху (76) живыми* шереширы *стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы. (79)*

Ты буй Рюриче и Давыде, не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Вступита Господина въ злата стремень за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святославлича!

Галичкы осмомысле *(80) Ярославе, высоко, сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Подперъ горы Угорскыи своими желѣзными полки, (81) заступивъ Королеви путь, затворивъ въ Дунаю ворота, меча бремены (82) чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеши Кіеву врата; (83) стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями. Стрѣляй, Господине, Кончака, поганого кощея (84) за землю Рускую, за раны Игоревы буего Святъславлича.*

«Но вотъ что бѣда: мнѣ Князи уже не помога и подъгору время пошло!»

У Римова вопятъ подъ саблями Половецкими, Владимиръ покрытъ уже ранами; а Глѣбову сыну болѣзнь и тоска.

Великій Князь Всеволодъ! не мыслью тебѣ прилетѣть издалече, приощитить свой отній престолъ золотой:

Ты Волгу бы веслами могъ раскропить и шлемами вычерпать Донъ. И былъ бы ты здѣсь, *ичага* бы былъ по ногатѣ, кощей по рѣзанѣ. Ты можешь на сушѣ стрѣлять самострѣлами, удалыми сынами Глѣба.

А ты, смѣлый Рюрикъ, и ты Князь Давидъ, не ваши ли шлемы златые по крови плавали? Не ваши ли храбрыя дружины рычатъ словно туры, подъ ранами сабель каленыхъ, въ невѣдомомъ полѣ?

Вступите же, Князи, во стремя златое, за новую обиду, за землю Русскую, за раны Игоря, смѣлаго Святославича.

Ты Галицкій остромыслъ, Ярославъ! Высоко сидишь на своемъ златокованномъ отнемъ престолѣ;

Своею желѣзною ратью, ты подперъ угорскія горы и путь заградилъ Королю;

Ты заперъ вороты Дуная, чрезъ облака метая громады, до волнъ его судъ снаряжалъ, и грозы твои текутъ по землямъ.

Ты Кіеву врата отворяя, съ златаго престола стрѣляешь, за дальними землями, султановъ. Сразн же, Князь, и Кончака-кощея, за Русскую землю, за раны Игоря, смѣлаго Святославича!

А ты буй Романе и Мстиславе, (85) храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи паворзи подъ шеломы латинскыми. Тѣми трещу земля, и многи страны Хинова. Литва, Ятвязи, Деремела, *(86) и Половци сулици своя повръгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи.*

Нъ уже, Княже Игорю, утръпѣ солнцю свѣтъ, (87) а древо по бологомъ *листвіе срони; (88) по Рсіи, по Сули гради подѣлиша; а Игорева храбраго полку не крѣсити! Донъ ти, Княже, кличетъ, и зоветъ Князи на побѣду. Ольговичи храбрыи Князи доспѣли на брань.*

Инварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславличи (89) не худа гнѣзда шестокрильци (90), не побѣдными жребіи собѣ власти расхытисте. Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкіи и щиты? Загородите полю воротъ своими острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны Игоревы буего Святъславлича.

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю и Двина *(91) болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ.*

Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ (92) позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскыя; притрепа славу дѣду своему Всеславу, (93) а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи. И схоти (94) ю на кровать, и рекъ (95) дружину твою, Княже птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бѣ ту брата Брячислава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожереліе.

Ты дерзый Романъ, ты Мстиславъ, мысль храбрая умъ вашъ на дѣло стремитъ, высоко паритъ въ порывахъ на подвигъ, какъ соколъ ширяясь на вѣтрахъ, смѣло замысливъ птицъ одолѣть. Не у васъ ли подъ шлемомъ латинскимъ желѣзныя груди? Отъ нихъ потряслася земля и многія ханскія страны. Литва и Ятвяги, Деремелы и Половцы сулицы свои побросали, главы свои преклонили подъ ваши мечи каленые!

И вотъ ужъ, Князь Игорь, хладѣетъ свѣтъ солнца, по дебрямъ съ дерева листья опали; по Роси, по Сулѣ, враги грады дѣлятъ; а храброму полку Игоря уже не воскреснуть!

Донъ тебя кличетъ, Князь, зоветъ Князей на побѣду. Олеговичи, храбрые Князи, доспѣли (облачились, вооружились) на брань.

Ингварь и Всеволодъ и всѣ три Мстиславича, не худаго гнѣзда шестокрыльцы (шестокрылыя стрѣлы)! Не побѣднымъ жребіемъ изхищали вы области. Гдѣ-жъ ваши златые шеломы, и сулицы ляшскія и ваши щиты? Загородите полю врата острыми своими стрѣлами, за землю Русскую, за раны Игоря, смѣлаго Святославича!

Не течетъ уже Сула серебряными струями ко граду Переяславлю, и Десна ужъ болотомъ течетъ, туда, къ грознымъ Половчанамъ, подъ кликомъ поганыхъ!

Одинъ только сынъ Василька, Изяславъ, позвонилъ своимъ мечемъ о Литовскіе шлемы, прозвучалъ славу дѣду Всеславу, а самъ подъ щитами багряными, на кровавой травѣ, изтерзанъ мечами Литвы. И возложили его на кровать, возглашая:

«Дружину твою, Князь, птицы крыльями пріодѣли, а звѣри напилися крови. И не было тутъ брата твоего Брячислава, и другаго брата Всеволода. Одинъ изронилъ ты жемчужную душу изъ храбраго тѣла, сквозь ожерелье златое!«

Унылы голоси, пониче веселіе. Трубы трубятъ Городеньскіи.

Ярославе, и вси внуце Всеславли! уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вереженъ: уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начасте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которое *(96) бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи, на* з̃ *вѣцѣ (97)* трояни.

Връже Всеславъ (98) жребій о дѣвицю *(99) себѣ любу, тъй клюками подпръся о кони, и скочи, къ граду Кыеву, и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго. (100) Скочи отныхъ (101) лютымъ звѣремъ въ плъночи, изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мглѣ, (102) утръ же воззни* стрикусы *(103) отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу (104), скочи волкомъ до Немиги съ Дудутокъ.*

На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ цепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бѣяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ сыновъ.

Всеславъ Князь людемъ судяше, Княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь волкомъ рыскаше; изъ Кыева дорыскаше до куръ (105) Тмутороканя; великому Хръсови волкомъ путь прерыскаше (106). Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы; а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.

Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и первое припѣвку смысленый рече: «ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути.»

О, стонати Руской земли, помянувше первую годину, и первыхъ Князей. Того стараго Владимира не льзѣ бѣ при-

Уныли гэлоса, веселье поникло, Городенскія трубы трубятъ.

Ярославъ и всѣ внуки Всеслава, опустите стяги свои, мечи притупленные вложите въ ножны. Вы откоснулись отъ дѣдовской славы, своими крамолами почали вы наводить поганыхъ на Русскую землю, на жизнь Всеслава.

И вышли тѣ ваши раздоры, и насилья отъ земли Половецкой, за землю Краины!

Всеславъ бросивъ жребій себѣ на любую дѣдину, опоясалъ колѣнами ко́ня, да и ринулся къ Кіеву граду, а доѣхалъ до златого Кіевскаго престола на стругѣ. Отсюда утекъ лютымъ звѣремъ въ полуночь; изъ Бѣлъграда, окутавшись въ синюю мглу, на утро возными стрѣльницами отворплъ врата Нову-граду, разшибъ славу Ярослава, скочилъ волкомъ съ Дудутокъ до Немиги.

На Немигѣ стелютъ снопы головами, молотятъ цѣпами стальными, на токѣ кладутъ свою жизнь и вѣютъ душу ото тѣла!

Кровавые берега Немиги не житомъ посѣяны, посѣяны костями Русскихъ сыновъ.

Всеславъ Князь суды людямъ судилъ, Князьямъ грады рядилъ, а самъ, въ ночь, рыскалъ волкомъ; отъ Кіева дорыскалъ къ разсвѣту до Тмутороканп, перебѣжавши волкомъ Велцкій Херсонъ. Ему зазвонили заутреню въ Полоцкѣ, въ колокола Святой Софіи, а онъ слышалъ звонъ въ Кіевѣ.

»Хотя и премудра душа въ пномъ тѣлѣ; но часто страдаетъ отъ бѣдъ.»

Ему-то, встарь, вѣщій Янъ молвилъ припѣвку смыслено:

«Ни хитрому, ни гораздому, ни птицей парящему—не миновать суда Божьяго.»

О, стонать землѣ Русской, воспоминая старые годы и первыхъ Князей!

гвоздити къ горамъ Кіевскымъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы; нъ рози нося имъ хоботы пашуть, (107) копіа поютъ *на Дунаи (108).*

Ярославнь мъ (109) гласъ слышить, зегзицею (110) незнаемь рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каяль рѣцѣ, утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.»

Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи: «о вѣтрѣ вѣтрило! (111) чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшеть горѣ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли (112) на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?»

Ярославна рано плачеть Путивлю городу на забороль, аркучи: «о Днепре словутицю! (113) ты пробилъ еси каменныя горы (114) сквозь землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады до полку Кобякова: възлелѣй, господине, мою ладу (115) къ мнѣ, а быхъ неслала къ нему слезъ на море рано.»

Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: «свѣтлое и тресвѣтлое солнце! (116) всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ (117) жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче.»

Не приковать было Владимира древняго къ горамъ Кіева. Его-то стяги теперь стали стягами Рюрика, а другіе Давыда.

Но, «отдавая имъ роги, хвостами пашутъ», коней поятъ на Дону!

Мнѣ слышится гласъ Ярославны; ранымъ-рано кичетъ зегзицей безвѣстной.

«Вспорхну, говоритъ, полечу горемычной я къ Дону. «Омочу я въ Каялѣ бобровый рукавъ, и омою я Князю кровавыя раны на страждущемъ тѣлѣ.»

Ранымъ-рано плачетъ Ярославна на забралѣ въ Путивлѣ и молвитъ:

«О вѣтеръ-вѣтрило, къ чѣму сильно вѣешь и мчишь на легкихъ крылахъ своихъ хапскія стрѣлы на рать Ярославнина лада?

«И мало-ль тебѣ было горъ, бушевать въ облакахъ, или лелѣять корабли на синемъ морѣ?

«Къ чѣму же веселье мое, какъ ковыль ты развѣялъ?»

Ранымъ рано плачетъ Ярославна на забралѣ Путивля:

«О Днѣпръ, говоритъ, славный Днѣпръ! каменистыя горы пробилъ ты сквозь Половецкую землю; на себѣ ты лелѣялъ суда Святослава, до Кобяковыхъ полчищъ;

«Взлелѣй же и моего друга ко мнѣ, чтобъ не слать мнѣ на море къ нему раннихъ слезъ!»

Ранымъ рано плачетъ Ярославна на оградахъ Путивля, и молвитъ:

«О свѣтлое, тресвѣтлое солнце! Красно и тепло ты для всѣхъ; къ чѣму-жъ ты простерло горячій свой лучь на воиновъ друга? Въ полѣ безводномъ имъ жаждой скоробило луки, замкнуло имъ немочью тулы?»

Прысну море полунощи; идуть сморци мглами; (118) Игореви Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зори; Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дону до малого Донца.

Комонь въ полуночи Овлуръ (119) свисну за рѣкою, велитъ Князю разумѣти. Князю Игорю не быть *(120).*

Кликну стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся Половецкіи подвизашася; (121) а Игорь Князь поскочи горностаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвержеся на борзъ комонь, и скочи съ него босымъ волкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мглами, избивая гуси и лебеди, завтроку, и обѣду и ужинѣ. (122) Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ волкомъ потече, труся собою студеную росу; претрогоста (123) бо своя борзая комоня.

Донецъ рече: «Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселія.»

Игорь рече: «о Донче! не мало ти величія, лелѣявшу Князя на волнахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мглами подъ сѣнію зелену древу; стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на вѣтрѣхъ. Не тако ли, рече, рѣка Стугна худу струю имѣя, пожрѣши чужи ручьи, и струги рострепе на кусту? Уношу Князю Ростиславу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславля по уноши Князи Ростиславѣ. Унышя цвѣты жалобою, и древо стугою къ земли прѣклонѣло.»

Плъхнуло море въ полуночь, идутъ смерчи мглами. Богъ путь кажетъ Игорю Князю, отъ Половцевъ въ Русскую землю, къ златому престолу отцовъ.

Вечерней зари свѣтъ погасъ. Не спитъ Игорь, бодрствуетъ, Игорь мыслію мѣритъ поля, отъ великаго Дона къ Донцу

Въ полуночь Влуръ свиснулъ коня за рѣкой—знакъ Князю подалъ, Князю Игорю избыть отъ плѣна.

Грохочетъ, стучитъ земля, возшумѣла трава; всколебались Половецкія вѣжи; а Игорь скокнулъ горностаемъ въ тростникъ, бѣлымъ гоголемъ въ воду, вскочилъ на борзаго коня и помчался на немъ сѣрымъ волкомъ, понесся по лугу Донца. Какъ соколъ летѣлъ сквозь туманы, избивая гусей, лебедей на завтракъ, обѣдъ и на ужинъ.

Когда Игорь, какъ соколъ летѣлъ, Влуръ мчался волкомъ, стряхая студеную росу съ травы. И надорвали они своихъ борзыхъ копей.

Донецъ прожурчалъ: «Князь Игорь, не мало тебѣ величанья, Кончаку проклятій, и радости Русской землѣ.»

«Донецъ, молвилъ Игорь, не мало тебѣ величанья: ты Князя лелѣялъ на быстрыхъ волнахъ, зеленую траву подстилалъ на своихъ берегахъ серебристыхъ. Ты теплымъ туманомъ его одѣвалъ, подъ сѣнью зеленаго древа; на водѣ ты стерегъ его гоголемъ, чайкой на быстрыхъ струяхъ и чернядью на вѣтрахъ.

«А Стугна рѣка такова ли? Недоброй своею струей чужіе ручьи пожираетъ, и ломитъ суда по кустамъ.

«А Днѣпръ затворилъ берега свои темные юному Князь-Ростиславу.

«И плачется мать Ростислава по юношѣ Князь-Ростиславѣ, по сынѣ своемъ.

«Поникли цвѣты отъ печали, а дерево съ тугой къ землѣ приклонилось!

А не сорокы втроскоташа. На слѣду Игоревѣ ѣздить Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помолкоша, сорокы не троскоташа, по лозію ползоша только дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ. Молвитъ Гзакъ Кончакови: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича ростръляевѣ своими злачеными стрѣлами. Рече Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ сокольца опутаевѣ красною дѣвицею. И рече Гзакъ къ Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвицѣ, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ.

Рекъ Боянъ (124) и ходы на Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: *«тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы,» Руской земли безъ Игоря.*

Солнце свѣтится на небесѣ. Игорь Князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ на Дунаи, вьются *голоси (125) чрезъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Святѣй Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ Княземъ, а потомъ молодымъ. Пѣти слава Игорю Святъславичь, буй-туру Всеволодѣ, Владимиру Игоревичу. Здрави Князи и дружина, поборая за христьяны на поганыя плъки. Княземъ слава и дружинѣ. Аминь. (126).*

Чу! то не сороки стрекочутъ, то ѣдутъ по слѣду Князь-Игоря Гзакъ и Кончакъ!

И не каркнутъ враны, галичій говоръ умолкъ, и сорочьяго треску не слышно, и только лишь ползаютъ дятлы по вѣтвямъ и тектомъ своимъ путь кажутъ къ рѣкѣ. Соловьи же веселою пѣснью разсвѣтъ повѣщаютъ.

Гзакъ молвитъ Кончаку: «Если соколъ къ гнѣзду полетѣлъ разстрѣляемъ его сокольца!»

Кончакъ возразилъ: «Если соколъ къ гнѣзду полетѣлъ, то опутаемъ его сокольца красною дѣвицей.

На то Гзакъ Кончаку: «Если его мы опутаемъ красною дѣвицей, то не видать намъ ни сокольца, не видать намъ и красной дѣвицы, и начнутъ насъ бить птицы въ степи Половецкой.»

Во истину Янъ, пѣснотворецъ временъ Ярослава, Олега, воспѣвая походъ Святослава на Когана Готін, изрекъ:

«Тяжко тебѣ головѣ безъ плечь, горе тебѣ тѣлу безъ головы!»

Такъ и Русской землѣ безъ Игоря.

Но, засвѣтилося солнце на небѣ—Игорь Князь въ Русской землѣ.

Дѣвы поютъ на Дону; ихъ голосъ чрезъ синее море до Кіева льется.

Игорь чрезъ Боричевъ ѣдетъ, къ Пирогощей Святой Богородицѣ.

Всѣ страны рады, всѣ грады веселы пѣсни поютъ Князьямъ старымъ, потомъ молодыхъ величаютъ.

Воспоемъ: слава Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду и Владимиру Игоревичу! Да здравствуютъ Князья и Дружина, поборники христіанъ противъ полчищъ невѣрныхъ!

Слава Князьямъ и Дружинѣ. Аминь.

ПОЯСНЕНІЯ

КЪ СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ

1. «*Не лѣпо ли ны бяшеть.*» Трудно замѣнить слово *лѣпый, лѣпо,* вышедшее изъ употребленія, тогда какъ *нелѣпый, нелѣпо* сохранилось. Однозначительное слово *пригожій, пригоже,* также осталось только въ простонародьѣ.

Слову *лѣпо* соотвѣтствуетъ теперь болѣе всего слово *славно* (прекрасно), которое, разумѣется, замѣнило его съ той поры, когда, по выраженію пѣвца Игоря, «*начаша про малое, се великое молвити.*

2. *Старыми Словесы.* Въ древнемъ значеніи, сказываемое *Слово* было нераздѣльно съ понятіемъ славословія, воспѣванія, славы, славленія, хвалы. Оно принадлежало витіямъ, *рекше пѣснотворцамъ.* «Яко же Историци и Вѣтія, рекше лѣтописцы и пѣснотворцы, приклоняютъ своя слухи въ бывшая межю Цари рати и вполченія, да украсятъ словесы и возвеличаютъ мужествовавшая... колми паче намъ лѣпо есть и хвалу къ хвалѣ приложити храбрымъ и великимъ воеводамъ Божіимъ...» (1) — «Востани *Слава* моя, (2) востани

(1) Пам. Росс. Слов. XII вѣка. IX Слово творенїй Кирилла Еписк. Туровскаго витіи XII вѣка.

(2) Тамъ же. Слово о Данилѣ заточникѣ.

въ псалтыри и въ гуслѣхъ... Да разверзу въ притчахъ *гаданіе* мое провѣщаю во языцѣхъ *Славу* мою.» (1).

Въ древн. Чешскомъ стихотвореніи «Ярославъ, о великихъ бояхъ съ татарами», соотвѣтственное выраженіе: «ветхими словесы вспѣху (воспѣли)», вполнѣ объясняетъ значеніе *старыми словесы* пѣвца Игоря, и *многа словеса* слышахъ.

3. *Трудныхъ повѣстій.* Чешскій пѣвецъ «Ярослава», также называетъ пѣснь свою повѣстью: «Звѣстую вамъ *повѣсть велеславну* о великихъ поткахъ (стычкахъ) и лютыхъ боехъ.» *Велеславная пѣснь* однозначительна съ Wilazna pesen (Сл. Бернолака) — carmen heroicum. То же самое значеніе имѣетъ и *трудная повѣсть*, что превосходно объяснилъ Князь Вяземскій въ замѣчаніяхъ своихъ на Слово о полку Игоревѣ. Въ «Аттилѣ» я изложилъ единство обрядовъ славленія и тризнованія, какъ въ древней Елладѣ, до послѣдованія Магизму, такъ и въ древней Руси, до Христіанства. *Трудныя повѣсти*, или *витязныя пѣсни*, имѣютъ одно происхожденіе съ ἡ τραγικὴ ποίησις, и *троудный* значитъ тоже что *страдный* и *тръзденый* — подвизательный, боевой, витязный, τραγικός. *Страдная повѣсть* вполнѣ бы соотвѣтствовала значенію *трудной повѣсти*, въ древнемъ смыслѣ подвига, труда смертнаго, боеваго; но слово *страдьба* вышло изъ употребленія, а *страданіе* въ новомъ смыслѣ не значитъ уже подвигъ, какъ въ старину: «я же васъ за вся сія *храбрая страданія* (подвиги) благодарю и похваляю.» Мат. для Слов. Востокова.

---

(1) *Гаданіе* или *гатаніе*, по Слов. Востокова — vaticinium; но здѣсь оно значитъ *домышленіе, сочиненіе*. Коренной смыслъ слова въ Санск. ГАДА — рѣчь, слово. ГАТ'А — вирши, пѣснь, звучаніе; ГАТРИ или ГАТП'КА — пѣвецъ. Въ Серб. *Гајде, гадље* — гудокъ; *гадляръ* или *гајдашъ* — пѣвецъ, гусляръ; *гатало* — разсказщикъ, повѣствователь. *Гатиья* — повѣствованіе, сказаніе, соотв. *гаданью*. *Гатаръ*, или *врач* — вѣщій, *провѣщающій;* въ Санск. ПРАВАЧАНА — провѣщаніе, правовѣщаніе.

У Славянъ *витязная пѣснь* значила carmen heroicum, боевая пѣснь, побѣдная пѣснь; на этомъ основаніи я и употребилъ вмѣсто *трудныхъ* повѣстей—*побѣдныхъ* повѣстей.

4. *По былинамъ сего времени.* По «Оп. Обл. Словаря» *былина* въ Арх. Губ. значитъ *старинная сказка.* Въ Сл. о п. И. оно также значитъ *разсказъ;* но не о быломъ, а *сего времени,* т. е. времени событія; а между тѣмъ, тутъ же, пѣвецъ говоритъ: «Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря»; слѣдовательно здѣсь *не былина,* которая, по пословицѣ, *старину любитъ* (Слов. Даля); а дѣло идетъ о достоинствѣ современныхъ пѣвцу Игоря разсказовъ или разскащиковъ баляновъ) (1), въ числѣ которыхъ считая и себя, онъ сравниваетъ ихъ съ *замышленіемъ* , т. е. замысловатостью, искусствомъ пѣснотворца Яна.

5. *Не по замышленію* Яна. Большая часть толкователей Слова, въ томъ числѣ и я, *замышленіе* передавали *вымысломъ,* фантазіей. Это проступокъ противъ языка и смысла пѣсни. *Замыслѣ,* или замышленіе, по Сл. Г. Востокова (2), соотвѣтствуетъ Гр. φρόνησις и Латин. prudentia — что значитъ обдуманность, опытность, способность, искусство. И какимъ бы образомъ пѣвецъ Игоря, возвеличивая Яна пѣснотворцемъ стараго времени, и извлекая изъ него преданія и выраженія, сказалъ бы про себя, что воспѣваетъ истинныя событія, а не вымыслы Яна?

6. *Растекашется мыслію по древу.* Это выраженіе повторяется: «скача, славію, *по мыслену древу*». Отъ слова древо, дрво, дрвлье, происходитъ въ славянскихъ языкахъ понятіе древній,

---

(1) *Балянъ* — разскащикъ, поющій пѣсни и духовные стихеры. См. Слов. Даля.

(2) Матер. для срав. и объяс. Словаря.

древе, древле,—olim, antique. Какъ подъ словомъ *древніи* подразумѣваются предки, праотцы (Слов. Церк.); такъ подъ словомъ *древо*, пѣвецъ Игоря подразумѣваетъ *прошедшее*, и замышленіе вѣщаго Яна растекается, по былому времени, какъ мысль, по настоящему, какъ волкъ по земли, и по будущему, какъ орелъ по поднебесью.

7. *Пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедей, которой дотечаше, та преди пѣсь пояше.* Ясно, что пѣвецъ сравниваетъ десять перстовъ Яна съ соколами, а струны гуслей съ лебединой вереницей. Первая струна, къ которой прикасался Янъ, запѣвала пѣснь, по замышленію его, вызвавшему воспоминаніе о подвигахъ В. К. Ярослава Владимировича, или о поединкѣ брата его Мстислава храбраго съ Редедей, или о судьбѣ Романа Святославича Тмутараканскаго, убитаго въ 1079 году Половцами.

8. *Отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря.* Не отъ перваго Владимира; но отъ Владимира Мономаха, послѣ смерти котораго начался второй періодъ междоусобій, когда, начиная съ Георгія, Князья сами стали наводить Половцевъ на Русскую землю и сами подали *великое буйство Ханамъ*.

9. *Тогда Игорь въздрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя вои прикрыты.* Игорь выступилъ въ походъ 23 Апрѣля 1185 года, во вторникъ; а въ среду, на слѣдующей недѣлѣ, когда Игорь подошелъ къ Донцу, было затмѣніе солнца. Въ Ипат. л.: «Игорь же воззрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще, яко мѣсяцъ.»—Въ Кенигсб. лѣт: «Въ лѣто 1186 (слѣдуетъ 1185), (1) Майя въ 1-й день, на память Св. Іереміи, *въ среду*, на вечерни, бысть знаменіе въ солнцѣ, и мрачно бысть вельми, яко и звѣзды видѣти чело-

(1) Въ Кенигс. лѣт. лишній годъ со вставки изъ лѣт. Сильвестровой 1183 года, тогда какъ женидьбу двухъ сыновей Святослава должно отнести къ 1182 году.

вѣкомъ.»—Въ Ник. л. описаніе подробнѣе и его слѣдуетъ замѣтить: «*Солнце учинилося бѣ яко мѣсяць, изъ рогъ же его яко огнь горящь исхождаше*, страшно же бѣ видѣти человѣкомъ.»

10. *Спала Князю умъ похоти и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону Великаго.* Совершенно непонятно; но измѣните *похоти* въ *похыти, жалость* въ *жадость* — (1) т. е. жажду; *спала* въ *опала*—пылкость, горячность гнѣвъ,— и смыслъ возстановится: «опала Князю умъ похыти, а жадость искусити Дону великаго ему знаменіе заступи.» Могло однако же существовтѣь и слово *спала*—пылъ, пылкость.

11. «*Свивая славы обаполы сего времени.*» Г. Востоковъ въ Мат. для Слов. даетъ слову *обаполы* значеніе *αμφοτέρωθεν*, utrinque, тогда какъ этимъ словамъ соотвѣтствуетъ *обоюду,* (напр. обоюду острый), что видно и изъ Лекс. Треязычнаго. *Обаполо* же или *обапола*, по сіе время употребляется въ народѣ (см. Оп. Обл. Сл.) въ смыслѣ *около, подлѣ, близко;* слѣдовательно выраженіе пѣвца должно было бы переводить: *свивая* славы нашего времени; но и это не имѣетъ смысла. Безъ сомнѣнія, что пѣвецъ Игоря взываетъ къ соловью Яну, чтобъ онъ *ущекоталъ* славы современныхъ ему (пѣвцу Игоря) подвиговъ пѣснями своими, а не своимъ nidificium, или какъ выражается Треяз. Лекс. *гнѣздотвореніемъ;* такимъ образомъ, само собою объясняется, что слово *спѣвая,* въ перепискахъ обратилось въ *свивая.* Подтвержденіе и въ самой послѣдовательности мысли пѣвца: спѣвая, или воспѣвая *славы* близкія этому времени, пѣти было пѣснь Игореви.

12. *Рища въ тропу Трояню, чрезъ поля и горы.* Выраженія: Тропа Трояня, вѣчи (сѣчи) Трояни, земля Трояня,

(1) *Жадати*—желать, жаждать; жаданіе и жадость—cupiditas, aviditas, desiderium.

на 7 вѣцѣ Трояни (по списку Имп. Екатерины — *Зояни),* приводили всѣхъ толкователей Слова о п. И. въ недоумѣніе. Что пѣвецъ Игоря никогда и не помышлялъ приспособить Траяна, или Трою, къ Руси, къ событію и пѣсни XII вѣка—это чувствовалось и понималось. Но откуда же взялись Траяновы или Троянскія (по мнѣнію Кн. Вяземскаго): тропа, вѣчи, земля и 7-й вѣкъ? Очень естественно, что также изъ описки, или вѣрнѣе, придумки, вмѣсто непонимаемаго же слова. Здѣсь видна таже канцелярская ученость, которая смѣло писала походъ въ Америку, вмѣсто въ Имеретію. Придумка Трояна однако же очень давняя. Въ сборникѣ XVI вѣка (см. Матер. для словаря, Востокова; слова *Хръсъ* и *Троянъ*), упоминается *Троянъ* въ числѣ боговъ славянскихъ, которымъ, сказано, и по нынѣ по *украинамъ (украніямъ)* молятся. Нѣтъ сомнѣнія, что богъ Троянъ извлеченъ изъ Слова о полку Игоревѣ, и что изъ него же образовался и *Оуранъ* въ сказаніи о битвѣ Донскаго съ Мамаемъ. Трояна, оукраніи и Оурана можно полагать различными чтеніями одного и того же слова, съ превращеніями К въ Х и потомъ въ Т. Родство и взаимность древнихъ славянскихъ пѣснопѣній въ пріемахъ и выраженіяхъ, обратили мое вниманіе и на сходство выраженія въ древнемъ Чешскомъ стихотвореніи «Ярославъ»: «*Бѣда встане тужшая по краинахъ,* съ выраженіемъ Слова о полку Игоревѣ: «Встала обида на землю Троянюю.» Въ Словѣ, дѣло идетъ также о Краинѣ (1) Черноморской, которою овладѣли Половцы, и за которую Русскіе Князья вели безпрерывную съ ними борьбу. Krayanska zeme — *Краянская земля,* или, по старославянской формѣ, *земля Краяня; битвы Краянскія— сѣчи Краяни.* Но *Троянн* вмѣсто *Краяни,* повторенное въ пѣсни четыре раза, не могло быть простой опиской, подобной *Зояни* въ спискѣ Имп. Екатерины II-й. Это уже *ученая* поправка. До Хри-

(1) Крайнами, Краинами (Krayna, Krayina), окраинами, назывались по преимуществу приморскія земли и страны. Иллирійская Краина, Славянская Крайна и пр.

стіанства, Русская Словесность была боевой, походной и изустной, хотя письменность у Славянъ давно уже существовала. Со времени В. К. Ярослава, усобицъ и нашествій татарскихъ, Словесность водворилась подъ кровомъ монастырскимъ; въ XVI же столѣтіи, когда возникло и свѣтское ея направленіе, она перешла въ руки дьяковъ и подъячихъ. Это было время поправокъ рукописей, скобленія пергаменовъ, и поясненій подобныхъ упомянутымъ, что славянскіе боги были человѣцы старѣйшины: Перунъ въ Елладѣ, Хорсъ въ Кипрѣ (1), а Траянъ въ Римѣ.

Обращаюсь къ тропѣ Трояна, такъ опредѣлительно принимаемой за via Trajani, изображенной на Сульцеровой картѣ. По словамъ Кантемира, via Trajani простирается отъ береговъ Дуная до Прута (хотя р. Прутъ впадаетъ въ Дунай совершенно отвѣсно), и далѣе на востокъ по южной Россіи. Въ «Histoire de la guerre entre la Russie et la Turquie et particulièrement de la campagne de 1796» еще лучше описывается via Trajani: «Сей повелитель, желая обезпечить Римскія области отъ набѣговъ варваровъ, приказалъ соорудить ограду, которая начинаясь отъ Петервайдена, проходитъ Венгрію, горы *Муркапу*, или *желѣзныя ворота* (т. е. Демиръ-капи ?) (1), Трансильванію, Валахію, Молдавію, Прутъ близъ с. Траяна (?), р. Ботну, близъ Каушанъ, пространныя степи Татаріи (!) и кончится близъ Дона.»—«Таковъ достойный памятникъ величія Рима и обширныхъ его предпріятій», замѣчаетъ при этомъ сочинитель; такова, должно прибавить, фантазія о via Trajani, по слухамъ о vallum romanorum на Дунаѣ, въ Сербской

---

(1) Χέρσις, отецъ Горга. Герод. кн. V. 104. кн. VII. 98.

(2) Вмѣсто горы *Муркапу* слѣдуетъ, кажется, читать *мунте мурарулъ*— mons muralis — гора стѣна, гдѣ и passus porta ferrea, на траяновой дорогѣ въ Ulpia Trajana, отъ моста чрезъ Дунай, построеннаго Аполлодоромъ Дамасскимъ. Отсюда продолженія via Trajani нечего и искать; ни въ Валахіи, ни въ Молдавіи, никакого vallum romanorum не существуетъ. Бессарабскія же межи не относятся до Траяна.

Воеводинѣ, между Апатинымъ и рѣкою Тейсомъ, выше Neusatz; по слухамъ о Буджакскихъ валахъ, служившихъ межами, и о Половецкомъ валѣ на Украйнѣ. По подобнымъ свѣдѣніямъ, Траянъ, въ отношеніи валовъ, сталъ тѣмъ же, чѣмъ, въ среднія времена, по монастырскимъ католическимъ легендамъ, былъ Юлій Кесарь въ отношеніи созиданій, а Атилло въ отношеніи разрушеній.

И за чѣмъ было рыскать Яну въ тропу Трояню, чтобъ воспѣть подвигъ Игоря? Смыслъ словъ пѣвца его ясенъ: «Рыща въ тропу Траяны, чрезъ поля и горы, пѣти было пѣснь Игореви». Здѣсь рѣчь идетъ о стезѣ, которую пробили Русскіе Князья въ Украйну Черноморскую ополченіями на Половцевъ. По этой стезѣ ходилъ и Игорь; по ней слѣдовало рыскать мыслію и пѣвцу его.

13. *Яне, Велесовъ внуче.*—Янъ потомокъ Велеса. Здѣсь дѣло касается не до вещественнаго, а до духовнаго родоначалія свойствъ и способностей Яна. Пѣвецъ Игоря беретъ это родоначаліе изъ вѣрованія Славяно-Руссовъ до принятія Христіанства; слѣдовательно древнюю религіозную символику собственныхъ родоначальныхъ именъ, упоминаемыхъ въ Словѣ о п. И. должно искать въ Сивапзмѣ (1).

По сказанію Нестора, Руссы клялись *Перуномъ* (2) и *Волосомъ*, скотьимъ богомъ (т. е. богомъ земной твари). Пѣвецъ Игоря называетъ пѣснотворца Яна внукомъ, т. е. потомкомъ *Велеса*. Князь Вяземскій совершенно справедливо замѣтилъ, что *Велесъ* долженъ быть тожественъ съ Аполлономъ, основываясь на томъ, что въ «состязаніи Омира и Исіода (*Ηποδου καὶ Ομηρου αγων*) поэтическая родословная Омира ведется отъ Аполлона. Князь Вяземскій однакоже не убѣжденъ

---

(1) Вѣрованіе Славяно-Руссовъ до христіанства изложено въ сочиненіяхъ: 1. «Индо-Германы или Сайване.» 2. «Атилло.» 3. «Первобытное вѣрованіе и Буддизмъ.» 4. «Допъ.»

(2) *Перунъ* — въ тримуртичесвомъ Сивапзмѣ Арійцевъ—ПРАННА, ПРАННАВА—па. званія ПАРАБРАМЫ, предвѣчнаго. СИВА есть Парабрама въ тройственномъ ликѣ. ВИШНУ—проявленіе Парабрамы въ жизни, движеніи, звукѣ, словѣ.

въ тожественности *Волоса* и *Велеса*. Но въ Латино-Чешскомъ словарѣ, IX вѣка, сказано, что славянскій Veless соотвѣтствуетъ *Пану*. *Панъ* же, ovium custos, когда Эллада еще не коцунстовала надъ Сиваизмомъ, которому слѣдовала до Магизма, былъ *пастырь стадъ*, тотъ же Вишну—БГАН (1). Онъ былъ божество всего творенія (*Πᾶν*) (2), какъ пишетъ Сервій; онъ былъ: Pan, nemorum bellique potens—богъ паствы и войны, какъ пишетъ Валерій Флаккъ; онъ *лученосный;* по Навзванію и Симониду, *дарующій подпду;* по Гимну Орфея, «звуками пѣсни настроивающій, приводящій въ гармонію всю природу». Сквозь всю темноту Эллинскихъ миѳовъ, во всемъ этомъ видны отдѣльно олицетворенныя свойства Вишну, который есть проявленіе Парабрамы въ движеніи свѣта, водъ, звука, слова. Онъ СВЕТАВАС—свѣтоносный, Греческій Аполлонъ, Славянскій *Свѣтовидъ*. Въ свойствѣ побѣды—ХАРИС, Греческій Ἄρη-, Славянскій Арей, Яро, Юрій. Въ отношеніи закона (3), ХАРАННА—хранитель; ГАУСПАТИ— господь стада (4); ВИДЖАЙЯС — витязь. Какъ представитель величія, онъ БАЛА, БАЛАС, ВАЛАС — велій, болій; силы, воли—БАЛА, ВАЛА. Въ свойствѣ *вѣщаго* (5), *мудраго* (6) пѣвца — БГАРАТА — изобрѣтатель, творецъ Слова, пѣсней, восхваленій, и въ тоже время ВИЛАСИ — веселый, радостный, праздноующій.

У каждаго народа, отдаленнаго и временемъ и пространствомъ отъ истока ученія, всѣ эти свойства *тысячеимяннаго* божества мѣшались, и одно замѣняло другое. Но повсемѣстное единовѣріе Славянъ даетъ возможность убѣдиться, что *Велесъ*, кромѣ значенія, которое

---

(1) БГАНЪ—*φάος*, свѣтъ, разсвѣтъ, жизнь, благо, око, побѣда.

(2) ВИШНУ—ВАСУ—все, *Πᾶν*.

(3) По древ. *кона*, по Санск. КУНА, КУННА, ГУННА.

(4) ГАУ-С—крава, земля. ГАУС есть прообразовательное названіе земли, какъ кравы питающей. Въ Бенг. нар. *зама* — земе, земля.

(5) ВАЧА, ВАЧАНА—вѣщаніе.

(6) МАНТРА—мудрый.

придаютъ ему Несторъ и Саломонъ въ Лат. Чешск. Словарѣ, IX вѣка (Veless - Pan) имѣлъ значеніе, какъ я объяснилъ выше, и Аполлона, божества свѣта, и Арея, божества побѣды. Геродіанъ, при описаніи войны Имп. Максимина въ *Краинѣ* Словенской (Carnia), (1) говоритъ, что божество страны называется *βέλις: βελιν δὲ καλοῦσι τοῦτον, σεβασι τε ὑπερφυως, Ἀπόλλωνα εἶναι ἐθελουσιες* т. е. «они называютъ его *Велисъ*, необычайно боготворятъ его, и признаютъ за Аполлона.» Велисъ предвѣщаетъ побѣду осажденнымъ въ Аквилеѣ, и войско Максимина видитъ, что онъ носится по воздуху съ мечемъ въ рукахъ и сражается за осажденныхъ.

14. ***Буй-туръ Всеволодъ.*** Тоже исконное сравненіе ярой силы съ *туромъ* и въ древнихъ Чешскихъ спѣвахъ: «Вратиславъ якъ туръ ярый скочилъ». *Яръ-туръ* и *буй-туръ* однозначительны. Изъ *буй-туръ* образовалось въ русскихъ пѣсняхъ и сказкахъ прозвище *богатырь*, въ томъ же значеніи *великанъ*, силачъ, въ какомъ стали употреблять греческія слова—исполинъ, гигантъ. Въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ, *буйтуръ* замѣняется также словомъ *богатырь* (2).

Туръ — Bos urus, *Οὖρος βοῦς, ταυρος βοῦς*, по Плинію, есть *Скиѳское животное, необычайной силы и быстроты.*

По Словарю Полоно-Греко-Лат. Greg. Capii. 1643. *Туръ* (Tur) называется также *зубромъ* (Zubr).

Въ древней пѣсни *Волхъ Всеславичь:* «Туры, да олени за горы пошли». Самъ Всеславичь «обертывается гнѣдымъ туромъ золотые рога.»

Туры дѣйствительно водились только въ древней Руси. Порода ихъ сохранилась въ Бѣловѣжской пущѣ. Великій Князь Владиміръ

---

(1) Славянскія Горицы. Г. Горица наз. Римл. Julia Carnicum. Позднѣйшія названія Малой Крайны—Carniola, Windisch-marck—Вендская Крайна.

(2) Въ двухъ мѣстахъ сказанія, слово *богатырь*, подъ титломъ, прочтено *этеръ:* наприм. вмѣсто: мужъ богатырь разбойникъ — мужъ этеръ разбойникъ.

Всеволодовичь, въ духовной своей, похваляется, что онъ бывалъ съ отцомъ своимъ, кромѣ *турова* лова, на ловѣ всякаго рода дикихъ звѣрей: «рукама связалъ есмь въ пущахъ 10 и 20 живы конь (дикихъ). Тура мя 2 метала на розѣхъ и съ конемъ; олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другый рогами болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ...» и т. д.

Въ древней Чешской пѣсни «Людиша и Люборъ», бояринъ Здѣславъ, на сѣданьѣ (турнирѣ) у Кн. Залабскаго, выступая на бой, похваляется, что дѣдъ его убилъ *дива тура.*»

Русское сравненіе могучихъ и храбрыхъ витязей съ ярымъ туромъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ Арійскому обычаю. вриша—туръ Сивы, олицетворенная сила, the sign of the Zodiac Taurus, и прозвище Вишну, означаетъ также богатыря — a strong or athletic man.

15. *Сѣдлай, брате, свои бръзыи комони. Комонь* значитъ ратный, верховой конь; но то и другое слово употребляются безразлично. Въ древ. Чешск. стих. «Честмиръ и Влаславъ: «вскочи Войміръ на свой руци (борзый) комонь.» Въ стих: «Ярославъ»: rucie koni. Въ Лавр. спискѣ лѣт. слова Святослава: «изъ Чехъ и изъ Угръ сребро и комони.» Въ позднѣйшихъ спискахъ: «сребро и кони.»

16. *Кметъ*, у зап. Славянъ значитъ собственно *осѣдлый селянинъ*, имѣющій свой дворъ, однодворецъ. Изъ *комоньства*, составлявшаго на западѣ *дружину* княжескую, comitatus, образовались дворяне княжескіе, dworani, comitatus aulae principis. Въ Краледворской рукописи kmetie, kmetsti lude — въ значеніи поселяне. Въ словѣ же о п. И. «а мои ти Куряне свѣдоми *къмети*, подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, и т. д.» въ значеніи комоньства, или дружины всадниковъ.

17. *Тулы отворени.* Какъ *налучи*, такъ *и тулы*, имѣли покровцы.

18. *Свистъ звѣринъ въ стазби, дивъ кличетъ връху древа* и т. д. Неожиданное нашествіе Руси всполошило караулы Половецкіе, и они, какъ водится, передаютъ вѣсть *сурнами*, особенно-гулкими трубами, во всѣ концы своего населенія. Вотъ мысль пѣвца, которую не иначе понялъ и Кн. Вяземскій въ своихъ замѣчаніяхъ на Слово о п. И. Но здѣсь *дивъ* введенъ только сравнительно; *въ стазби* есть неправильное чтеніе, вмѣсто *въста абы* (яко бы): свистъ звѣринъ въста, абы дивъ кличетъ..... и т. д.

19. *И тебѣ тмутараканьскый блъванъ.* Половцы, называемые и Команами, были ничто иное, какъ *конюси*, т. е. пограничное комоньство или казачество, выведенное Мидійскими Каганами, (халдеями, магами—*мугуль*) изъ заволжскихъ и изъ за-каспійскихъ степей, противъ Руси, въ подкрѣпленіе князьямъ Ясскимъ, Косожскимъ и Абхазскимъ (Обезы), которые давно уже были прозелитами Халдейства. Покоривъ Задонье, Тмутараканскую, или Томитанскую область, Каганы водворились въ Тмутаракани (бывш. Томи), гдѣ и во время Руссовъ, и во время преобладанія Грековъ, была таможня для входящихъ въ Босфоръ, и средоточіе торговли. Пѣвецъ Игоря и называетъ Кагана *болваномъ*, подобнымъ тѣмъ, которыхъ Половцы наставили на могилахъ по Придонью. Эти *каменныя бабы*, изображаютъ Буддга Сакья-муни, держащаго обѣими руками *нирвану*—сосудъ блаженства (1). Въ русскихъ сказскахъ эти *бабы* олицетворились въ видѣ Бабы-Яги или Ягишны, ѣдущей въ ступѣ, погоняющей пестомъ и не любящей *Русскаго духа*. Въ древнихъ русскихъ же сказскахъ, которыя при онѣмеченіи западныхъ Славянъ, перевелись сами собою на нѣмецкій языкъ, Ягу-бабу замѣнила колдунья, старая баба (Hexe, alles Weib), слова: *Русскимъ духомъ запахло* — запахло человѣческимъ мясомъ; точно также, какъ *жарь-*

(1) Рюйсбрекъ, въ путешествіи въ Татарію, въ 1251 году, говоритъ: «Pour les Comans, ils ont coûtume d'élever une motte de terre sur la sépulture du mort, et lui dressent une statuë la face tournée à l'orient, et tenant une tasse en la main vers le nombril.»

птица обратилась въ Goldfogel, *заповѣдной лѣсъ* въ Zauberwald; *Змѣй горынычь* въ дракона (Drache), живущаго на высокой горѣ, или Wurm; *Кощей* въ Erdmännchen; *желѣзная палица* въ Eisenstab; *мальчикъ съ пальчикъ* въ ein Zwerg—карликъ; *Юрій* въ ein Jäger и т. д.

20. *Телегы*—телѣги. Въ пол. telega, въ Крайнѣ Горицкой taliga, въ Серб. *Тальиге* — одноконный возъ, съ оглоблями, currus unijugus, и значитъ собственно *половина ига (тал* —доля, *иго*—ярмо).

21. *Подобію волцы грозу въсрожать по яругамъ.* Въ Словѣ о побоищѣ В. К. Димитрія Іоанновича Донскаго, это выраженіе переобразовано въ слѣдующее: «волцы воютъ велми грозно.» Но это нисколько не опредѣляетъ слова *въсрожать,* котораго смыслъ долженъ быть: накликаютъ, повѣщаютъ.

22. *«О Руская земле! уже за Шеломянемъ еси, длъго!»* Въ Арх. губ. по сіе время *Шоломя* значитъ возвышенность, холмъ (Обл. сл.). Въ Ипатьевской л., подъ 1184 г., при нашествіи Половецкаго Хана Кончака: «Наворопницы (соглядатаи), перешедше Хороль, взидоша на *Шоломя,* глядающе, гдѣ узрять. Кончакъ же стоялъ у Лузѣ, его же ѣдучи *по Шеломяне,* омнуша.» Путь Игоря шелъ чрезъ *Гребенныя горы,* находящіяся по правую сторону Донца, противъ *р. Калитвы.* Этотъ гребень горъ безсомнѣнія и слылъ нѣкогда. *Шоломью.*

Здѣсь *длъго* значитъ *далеко,* dlugo—weit, а не *долго.*

Въ повтореніи того же выраженія: не Шеломянемъ, вмѣсто за Шеломянемъ.

23. *Помчаша красныя дѣвкы Половецкыя. Помчаша,* описка вмѣсто *поимаша* — взяли, забрали въ плѣнъ.

24. *Орътмами, Орьтъмами.* Въ Ипат. л., подъ 1115 годомъ, при перенесеніи мощей Бориса и Глѣба, «повелѣ Володимеръ, рѣжючи паволокы, *орницы* (въ друг. сп. *орниче),* бѣль, розметати народу; ово же серебреникы метали.»—Въ Кенигсб. сп.: «и повелѣ Володимѣръ метати паволоки и фофудьи (?) и *ирнички* и бѣлку.» Въ прод. Лавр. сп.: «и повелѣ Володимеръ метати паволокы, *фофудьи* и *орниче,* бѣль.»—Въ Ник. л.: «и повелѣ Володимеръ метати паволокы и *вофудію* и *рьниче,* бѣлку.» — Во всѣхъ этихъ случаяхъ *ортмы, орницы, ирницы,* есть одно и тоже русское слово, искаженное переписчиками, и имѣющее значеніе одежды. По Сл. Востокова, *орити* (1), знач. *преукрашать,* и вообще это слово касается до женскихъ преукрашеній. Въ Серб. *оран*—bereit, paratus — снаряженъ. Въ Серб. *орница* — воздѣлываемое, пахотное поле; ибо самое слово *орать* знач. воздѣлывать, снаряжать поле.

Для дара, въ старину, отрѣзывалась извѣстная мѣра аршинъ отъ куска матеріи, на кафтанъ, платно, сарафанъ и пр. Въ этомъ смыслѣ Лѣтопись и упоминаетъ о рѣзаніи паволокъ на наряды (орницы). Греч. ὦρα и Лат. orno, ornare, имѣютъ одно значеніе съ. *орити,*—orner, parer, equiper, apprêter. Въ Греческомъ и Латинскомъ, тоже самое отношеніе между ὡραΐζω и ἀρόω, какъ и въ русскомъ *орити* и *орати.* Слѣдовательно, въ подлинникѣ, вмѣсто *орьтмами,* должно читать *орницами,* т. е. нарядами.

25. *Дремлетъ въ полѣ Ольгово хоробрее гнѣздо* (племя) *далеко залетѣло.* Разумѣется, что храбрые Ольговичи, дремлютъ въ Половецкомъ полѣ, въ виду наступающаго непріятеля, только по описке переписчика. Они *не дремлютъ,* но *гремлютъ,* т. е. гремятъ, что и видно изъ послѣдующаго выраженія: «Яръ-туръ Всеволоде, стоя на бороні, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши

(1) Въ Словарѣ: καθαιρεῖν — ivertere (ошиб. вм. investire); καθαίρω знач. parure, Putzen—снаряженіе.

о шеломы мечи харалужными» *Грѣмьти, грьмьти* измѣняется въ *гримлети, гремлети*. Въ Серб. грмљети.

26. *Черныя тучи съ моря идуть, хотять прикрыти* 4 (А͡) *солнца.* Въ этихъ А͡ солнцахъ видятъ четырехъ князей: Игоря, брата его Всеволода, сына Владимира и Святослава Ольговича (1); но, во первыхъ, по Кенигсб. сп. съ Игоремъ были оба сына; во вторыхъ, послѣдующее сравненіе съ бывшимъ въ то время затмѣніемъ, было бы неумѣстно: «темно бо бѣ на 3-й (г͡) день: *два солнца* померкоста.» Я полагаю, что здѣсь слово *день*, подъ титломъ, принято за число 4, а *солнца* прибавлено: «*тучи съ моря идуть, хотять прикрыти день*, и т. д.

27. *Пти дождю стрѣлами.* Тоже сравненіе въ древн. Чешс. ст. «Ярославъ»: strzieli dscihu—*стрѣлы дождили*. Въ Лавр. л. подъ 1097 г. «*идяху стрѣлы акы дождь*».

28. *Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шеломы половецкіе.* Соображая съ выраженіями древнихъ Чешскихъ пѣсенъ: ломъ оцеповъ, или копій, хрустъ (chrest—klapper) мечей, слово *тручати* должно значить *стучать, трещать*. Какъ *тукать* измѣняется въ *стучать*, и значитъ также рубить; такъ *трекать* (тръкать), имѣющее тоже значеніе, могло измѣняться *въ тръчать*, или *трескать* (отъ трескъ)—бить, ударять, въ *трещать*. Но вѣроятнѣе *потручати-ся* описка изъ слова сходнаго съ Серб-скимъ *потргатисе*—briser, fracasser.

29. *Стрибожи внуци. Внуци*—потомки, чада, порода. Въ Лѣтописи названіе *Стрибога* не измѣняется; но въ Кенигсб. спискѣ,

(1) Въ моемъ Хронографѣ, подъ 1204 г.: «Въ лѣто 6712, явися ино знаменіе веліе на небеси: три солнца на востоцѣ, а четвертое на западѣ, а посреди небеси, яко мѣсяцѣ подобенъ дузѣ.»

ошибочно, Стриба богъ; у Чеховъ Trzibog. Въ древнемъ стихотвореніи IX вѣка, Tras или Trzas въ значеніи бога *труса* и *страха;* а по Латино-Чешск. Слов. Соломона, IX же вѣка, Stracec — богъ подземнаго царства. У Сербовъ *стра* и *страва,* знач. страхъ, ужасъ. Но *страва,* strawa, вообще у Славянъ значило погребальный пиръ, нераздѣльный съ обрядомъ *тризны,* тризанья, (по Чешс. tryzen), и *етрады* или страдьбы, въ значеніи — подвига, подвизанья. Turnay (Чешс.) certamen equestre, и въ значеніи труда, терзанья, страданья. Въ Санскр. погребальный обрядъ—СРАДВА и СРАДДГА. Божество *срадвы*— Ямо, духъ смерти, глава НАРАКА или ПАТАЛА—ада, тартара. Въ немъ и значеніе духа страха, боязни, трепета, ужаса. Санск. ТРАСА знач. трясъ, трусъ (трясеніе), ТРАСНУ — страшный, ТРАСТУ — трясущій, потрясающій.

Такимъ образомъ *Стрибожи внуци* значитъ *дѣтища ада* (Ἅιδης или Ἄιδης—Плутона). Въ древнемъ же Чешскомъ стихот. «Честмиръ и Влаславъ», *Трясъ,* или *Страшецъ,* является, какъ божество тѣней, сопровождаемый страшилищами.

30. *Земля тутнетъ,* собств. стонетъ; по Обл. Слов. въ Ирк. г., слово *тутнуть,* употребляется въ значеніи гула, раздающагося по землѣ отъ топота бѣгущаго табуна, или стада. Въ лѣтописяхъ: «тутнати и гремети всему мѣсту отъ вопля людей, (Хожд. Даніила Игумена).—«Тутно стояше (стоняше?) по улици, яко человѣци ѓрящуще бѣсы.» — «*земля стукну*» во время землетрясенія въ 1091 г.

31. «*Половци идутъ отъ Дона и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ Рускыя полкы отступиша*» Мнѣнія гг. Ганки и Дубенскаго совершенно справедливы, что *отступиша* есть описка вмѣсто *оступиша,* т. е. обступиша. И по Лѣтописи, Русскіе полки не отступали, а снѣшились и пошли въ бой: «или умремъ, или живи будемъ на единомъ мѣстѣ», и тако рекше вси сосѣдона съ копей и поидоша бьючеся.» И по Слову, храбрые Русичи не отступали, а преградиша поле червлеными щиты.

32. *Яръ-туре* Всеволоде, стоши на борони (на оборонѣ). Въ Чешск. стих. «ту Вратиславъ якъ *туръ яры* скочи.»

33. *Прыщеши на вои стрѣлами.* На *вои* ошибочное чтеніе, вмѣсто на врги, т. е. на враги, какъ и въ Чешс. ст. слово wrhi всегда подъ титломъ.

34. *Мечи харалужными.* Вѣроятно, отъ слова *каралук*— черненый, вороненый (см. Рос. Татар. Слов.). *Харалужный* замѣнилось словомъ *булатный,* и слѣд. оно и имѣло тоже значеніе.

35. *Милыя хоти, красныя Глѣбовны. Хоть* и *хоть*, но сіе время употребляются въ Славянскихъ земляхъ. По Чешск. Chot—oddanec, slubenec—знач. женихъ, сговоренный, суженый-ряженый. Chot—oddanica, slubenica—невѣста. Въ смыслѣ *хотѣнія, желанія,* слово *хоть* и соотвѣтствуетъ слову *желанная, любимая.*

36. *Свычай* — пріобрѣтенная, или даже усиленная временемъ привязанность къ кому нибудь, и слово *привычка* не можетъ его замѣнить.

37. *Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были полцы Ольговы.* Ни вѣчи, ни вѣци Трояни, какъ нѣкоторые исправили, здѣсь неумѣстны; ибо пѣвецъ Игоря припоминаетъ о первыхъ междоусобіяхъ и страшныхъ сѣчахъ Краянскихъ, или Украинскихъ, которыя повели къ дальнѣйшимъ раздорамъ. Эти сѣчи были между двумя братьями, когда въ 1023—1024 годахъ, Мстиславъ Тмутороканскій поднялся на Ярослава *съ Казарами и Косогами,* и примирился на дѣлежѣ Руси по Днѣпръ. Это былъ первый выводъ иновѣрцевъ противъ своихъ. Въ краткомъ разсказѣ Лѣтописи со словъ Яна, о битвѣ 1023 года, слышутся отголоски пѣснотворца времени Ярослава: «И бывши нощи, бысть тма, и громове и молъніи. И

рече Мьстиславъ дружинѣ своей: «пойдемъ на нѣ» и поиде Мьстиславъ и Ярославъ противу собѣ, и ступися чело Сѣверъ съ Варягы, и *утрудишась* Варязи сѣкуще Сѣверъ, и по семъ наступи Мьстиславъ со дружиною своею и нача *сѣчи* Варягы, и бысть *сѣча* сильна, яко посвѣтяше молънья блещашеть оружье, и бѣ гроза велика и сѣча сильна и страшна.»

Очень естественно, что всѣ подробности и красоты слова Яна, Несторъ сократилъ и унростилъ въ своемъ сказаніи.

38. *Той бо Олегъ мечемъ крамолу коваше.* Олегъ Черниговскій, бѣжавъ въ Тмуторокань, къ брату Роману, навелъ, съ братомъ своимъ Борисомъ, Половцевъ на Русь, противъ Всеволода Ярославича, въ 1078 году, и вторично въ 1094 г. Это второе лицо, о которомъ вспоминаетъ пѣвецъ Игоря, какъ о наводителѣ иновѣрной силы, изъ Краины Тмутороканской, на Русь.

39. *То же звонъ слыша давный, великый Ярославь сынъ Всеволожь, а Владимиръ, во вся утра, уши закладаше въ Черниговѣ.* Здѣсь явная и неудачная поправка непонявшаго смысла рѣчи. Чтобъ не смѣшивать имени и рода Князя, пѣвецъ Игоря упоминаетъ о дѣдѣ Владимира Всеволодовича, Ярославѣ, въ извѣстной формѣ: Владимира Всеволожа Ярославича. Во первыхъ, не *тоже,* а *той же,* т. е. тотъ же (Олегъ); во вторыхъ: чей звонъ слыша? — Звонъ Владимира Всеволодовича Ярославича, или, по постановкѣ Слова: «давняго, великаго Ярославля Всеволожа сына Владимира.» Ибо не Владимиръ Всеволодовичь затыкаетъ уши, а Олегъ Святославичь, на звонъ или призывъ его. Это ясно по Лѣтописи. Княжа въ Черниговѣ, Олегъ нѣсколько разъ, въ 1095, 1096 и 1103 годахъ, уклоняется отъ призыва Владимира, идти на Половцевъ общими силами: «Пойди къ Кыеву, да урядъ положимъ о землѣ Русской предъ Епископы и Игумены и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ

людьми градскими, да быхомъ оборонили Русскую землю отъ поганыхъ.» Олегъ же, воспрiимъ смыслъ буй и словеса величава, рекъ (Владимиру) сице: «Нѣсть мене лѣпо судити Епископу, или Игумену, или смердомъ», и не восхотѣ ити ко братома.» — Въ 1103 году: «И послаша (Святополкъ и Владимиръ) ко Ольгови и Давиду Святославичемъ, глаголюще: «пойдите на Половци, да любо будемъ живи, любо мертви.» Давидъ же послуша, а Олегъ не восхотѣ сего, вину река: «не здравлю.»

40. *Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе.* Въ первое возстанiе (1078 г.) Олега съ Половцами на Всеволода, Борисъ, не смотря на уговоры брата, не идти противъ соединенныхъ четырехъ Князей, а послать просить мира у дядей, бросился въ бой и былъ убитъ на Нежатинѣ нивѣ.

41. *И на канину зелену паполому постла.* Борисъ Вячеславичь былъ убитъ на *нивѣ;* зеленая нива и была *конечной* его постелей. Въ древнемъ языкѣ *конъ* — конецъ, *конать* — кончать. Въ Чешс. *коп*—конецъ: въ Серб. конанj — окончанье. Въ подлинникѣ безсомнѣнiя было *конѣню,* или *кънѣню* т. е. *конечную,* что и принято за конину.

42. *Съ тоя же Каялы Святоплъкъ повелѣя отца своего междю Угорьскими иноходцы.* Въ той же битвѣ на Нежатиной нивѣ, въ 1078 году, былъ убитъ и В. К. Изяславъ. Тѣло его везли сперва въ ладьѣ (по Деснѣ), а передъ Кiевомъ *перенесли на сани и везли до храма Св. Богородицы,* гдѣ положили въ мраморную раку.

При Изяславѣ, въ бою, былъ сынъ его Ярополкъ, который и сопровождалъ тѣло отца. Святополкъ же въ это время былъ въ Новгородѣ; слѣдовательно *Святополкъ* есть описка вмѣсто Ярополкъ.

Повелья — по валѣ я, т. е. по битвѣ взялъ. Карамзинъ исправляетъ: *по сѣчѣ;* этого и требуетъ смыслъ; но кажется, вмѣсто *велъ,* должно читать *валъ,* т. е. битвѣ. Въ Чешс. стих.: valeno den, valeno den vteri—бились день, бились другой. Walka-война, бой, у насъ сохранилось *свалка* въ томъ же боевомъ значеніи.

43. *Тогда, при Олзѣ, Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами.* Подъ именемъ Гориславичей пѣвецъ говоритъ о крамольномъ потомствѣ Рогнѣды (Гориславы), дочери Рогвольда Полоцкаго. По лѣтописи, Владиміръ имѣлъ отъ нея четырехъ сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава и Всеволода; но кажется Ярославъ внесенъ въ число ихъ ошибочно, что видно изъ преданія о Всеславичахъ (1), подъ 1128 годомъ, гдѣ описаніе замысла Гориславы убить Владимира, и удаленіе ея въ Полоцкую отчину, заключается словами: «И оттолѣ мечь взимаютъ Роговоложи внуци (потомки Владимира отъ Гориславы), противу *Ярославлимъ внукомъ.*» Ясно, что Ярославъ былъ отъ другой матери.

44. *Погибашеть жизнь Дажь-божа внука въ княжихъ крамолахъ. — Встала обида въ силахъ Даждь-божа внука.*

Обращаясь къ преданіямъ о древнемъ вѣрованіи Руси, пѣвецъ Игоря говоритъ, что Русь ведетъ родъ свой отъ *Даждь-бога,* по лѣтописи *Дажбога.* Въ Ипатьевскую лѣтопись, подъ 1114 годомъ, внесено *изъ Хронографа,* объясненіе Елинскихъ и Египетскихъ боговъ значеніемъ древнихъ Русскихъ: «Феостъ (*Θεῶς*—Зевсъ) иже е *Сварогъ*» (2). Θеосъ или *Сварогъ* далъ законъ и уставилъ «единому мужу едину жену имѣ-

(1) Всеславъ, сынъ Изяслава, внукъ Владимира, по матери Гориславичъ.

(2) Въ Санскр. САРВАГА, или СВАРГА — имя *Сивы-Брамы,* въ значеніи Saul, Spirit—духъ движенія, духъ всемірный.

ти.»—«По семъ же царствова сынъ его именемъ *Солнце*, его же нарицютъ *Дажьбогъ, бѣ бо мужъ силенъ.*» Дажьбогъ *охранялъ законъ отца:* «Не хотя отца своего закона разсыпати (нарушить).» Этотъ Солнце-царь былъ и просвѣтителемъ: при немъ началось счисленіе времени по двѣнадцати мѣсяцевъ въ году, «и человѣцы начаша *дань давати царемъ.*»

По этому сказанію *Дажь-богъ*, какъ и Вишну въ свойствахъ бога, свѣта, бога силъ, бога хранителя и просвѣтителя (1). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по Слову о П. И., онъ родоначальникъ Руссовъ; слѣдовательно какъ и Вишну въ свойствѣ *Джас* — progenitor, родоначальникъ царственнаго рода *Кшатрійя* или *Раджанья* (2).

Тацитъ, въ статьѣ своей о нравахъ и обычаяхъ племенныхъ Славянскихъ народовъ (Germani, Suiioni), говоритъ: «Въ древнихъ своихъ *пѣсняхъ*, которыя составляютъ у нихъ единственныя преданія, *замѣняющія лѣтописи*, прославляютъ они землероднаго (т. е. *въ аватарахъ* бога *Вишну* (Visconem) и сына его *Марса* (3) (Арея), какъ *родоначальниковъ* и *законодателей.*»

Тоже самое родоначаліе отъ Viston, Biston, у древнихъ Савіанъ Ἰνδοί (Σάβοι), по сокр. Страбону Σκύθοι Σκλάβοι Эпира, Македоніи и Пелопонеза; а равно, по Ксенофонту, и Θракіанъ Малоазійскихъ (4).

Не излишнимъ считаю присоединить здѣсь и слова Геродота о богахъ Скиѳовъ Черноморскихъ, которыхъ онъ называетъ и *Индами* (5) Но текстъ § 59. Кн. IV Геродота, искаженъ до безобразія.

---

(1) См. прим. 12-е.

(2) «Въ началѣ *все* было Брама; въ ликѣ свѣта, онъ сотворилъ свѣтлый родъ Кшатрійя:» 14 кн. св. Яджуръ-Веды. Colebrooke. КШАТРІЙЯ, или иначе РАДЖАНЬЯ, отъ РАДЖА—свѣтородный.

(3) Въ подлинникѣ «et filium Mannum»; но это чтеніе столь же ложно, какъ и существовавшее въ позднѣйшихъ спискахъ Tuiscon вмѣсто Viscon, къ которому придали букву t отъ предшествующаго est подъ титломъ.

(4) См. «Первобытное вѣрованіе» и «Донъ».

(5) Задонье Геродотъ называетъ страной Индовъ—Ἰνδικῆς. Объ Индахъ Кавказскихъ

«Скиѳы, говоритъ онъ, почитаютъ *Землю* женою *Зевса*. По моему мнѣнію, они *очень правилно* называютъ Зевса *Παπαῖος*, а Землю *Ἀπία*.» Во первыхъ, Еллинскіе писатели всегда избѣгали варварскихъ именъ и названій, и передавали только ихъ значеніе. Во-вторыхъ, Геродотъ словомъ *ὀρθόταια*, передаетъ и здѣсь на судъ своихъ соотечественниковъ, не собственно имена Скиѳскихъ боговъ, но сопоставляя ихъ съ Еллинскими божествами, объясняетъ ихъ значеніе, въ понятіяхъ Скиѳовъ, эпитетами. Слѣдовательно вмѣсто *Παπαῖος* должно читать *Παππίας*—отецъ; а вмѣсто *Ἀπία—Μαῖα*—мать, *майя*, кормилица. Эпитеты прочихъ Скиѳскихъ, т. е. Славянскихъ божествъ, соотвѣтствующихъ Аполлону, Афродитѣ, и Посейдону, богу морей, трудно уже возстановить; но можно догадываться, что сравнивая свѣтоноснаго Вишну, Свѣтовида, съ Аполлономъ, Славяне называли его не *Οἰτόσυρος*, а *Οἰστευτῆρος*— *стрѣлоносный*; ибо Свѣтовидъ изображался съ лукомъ въ рукѣ. И въ этомъ случаѣ, Геродотъ могъ сказать, что Скиѳы *очень правилно* называютъ своего бога соотвѣтственнаго Аполлону: потому что и Аполлону ввѣрены лукъ, (*τόξον*) (1) и пѣснопѣнія (*ἀοιδή*).

Скиѳская *Лада*, по древн. Слов. Соломона, соотвѣтствовала Венерѣ, или Афродитѣ. Лада была *покровительница брачнаго союза;* но и Афродита носила названіе *παστοφόρος* — покровительствующая брачному ложу, и потому вмѣсто *ἀρτιμπάσα*—вѣроятно былъ эпитетъ состоящій изъ словъ *ἀρτυω* — снаряжать, и *παστὸς* — брачное ложе. *Θαμιμασάδος* — мнимое Скиѳское названіе Посейдона, бога морей, могло легко образоваться изъ *Θυμόμασδος* — бурное нѣдро, по выраженію пѣсней Черноморцевъ *море бурное,* ибо никакого бога морей Скиѳы не знали.

онъ говоритъ въ 7-й книгѣ, при исчисленіи народовъ, входившихъ въ составъ войска Ксеркса. Объ Индіи Черноморской см. «Донъ», въ Чтен. Имп. Общ. Ист. 1866. Книга 2, или отдѣльное изданіе.

(1) «Дельфы первые возгласили тебѣ Іо Пеанъ, когда ты явилъ искуство метать стрѣлы изъ златаго лука, и поразилъ страшнаго чудища, Пиѳона.». Гимны Каллимахи.

Если Еллинскій Аполлонъ—богъ стрѣльцовъ и въ тоже время пѣснотворцевъ; то свойства Славянскаго божества не смѣшиваются, болѣе опредѣлительны, и гораздо ближе и по именамъ и по прозваніямъ, къ коренному вѣрованію—къ первобытному Сиванизму. Вишну—*Джасъ*—въ свойствѣ рода, производителя; Вишну—*Светавасъ*—снѣтоносный, бѣлоконный; Вишну—*Виласи*—играющій, праздпующій, радостный; Вишну *Хари, ἁρα*— побѣдный, ярый—Арей, Яро, Юрій.

45. *Ратаевѣ кикахуть. Кыкати,* въ Слов. Востокова—*издавать кликъ.* Въ Ирк. г. (Слов. област.) *кыкъ*—крикъ лебединый; въ пѣсняхъ: лебедь кычетъ. Ратаевѣ *кикахуть*—Ратаи голосили (говоромъ, пѣснью).

46. *Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями.* Настоящее время съ *давеча* не сходится; здѣсь вмѣсто *давеча,* слѣдуетъ читать *далеча*—вдали, вдалекѣ. Понятно, что пѣвецъ вдали слышитъ, какъ Игорь полки заворачиваетъ.

47. *Бишася день, бишася другій.* Тоже выраженіе въ Древ. Чешс. ст. «Ярославъ»: Валено день, валено день вторый...

48. *Въстала обида въ силахъ Дажь-божа внука, вступила дѣвою на землю Трояню* (т. е. Краяню), *всплескала лебедиными крылы на синемъ морѣ.* Новое сходственное выраженіе съ пѣснію «Ярославъ»; но болѣе олицетворенное: «*Бѣда встане тужшая по Краинахъ* »

Обида — injuria, родственное слово съ *бѣда* и *обада* — зависть, клевета. Въ примѣчаніи Г. Безсонова къ Болгарской пѣсни «Тиланъ»» слово *бѣда* сближ. съ Болг. бѣдѫ и обадѫ въ значеніи *клевета*. Въ Словѣ о п. И. *обада*—зависть, олицетворенная пѣвучей лебедью (1),

(1) Лебедь поетъ только на полетѣ. «Лебедь *кликунъ,* извѣстная своимъ чистымъ, звонкоголоснымъ пѣніемъ.»

ближе къ смыслу нежели *обида*. Сравненіе *бѣды* съ дѣвой-лебедью, почерпнуто пѣвцомъ Игоря изъ сказаній о Сиренахъ, сладкогласныхъ дѣвахъ-птицахъ, соблазнявшихъ мореходцевъ и завлекавшихъ ихъ въ пучину или на подводные камни. Эта баснь, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстна была и древнимъ Русскимъ мореходцамъ въ Придоньѣ, гдѣ кромѣ Греческихъ городовъ было цѣлое поселеніе Ахеянъ, по Страбону, со времени похода Аргонавтовъ. По Аппіану, они слѣдовали обрядамъ Скиѳскимъ, и собственно Еллины, называли ихъ Скиѳами-Ахеянами. По сказаніямъ же объ Аргонавтахъ, отправлявшихся въ Скиѳію за золотымъ рупомъ, только дивныя пѣснопѣнія Орфея спасли ихъ отъ соблазнительныхъ пѣсенъ Сиренъ.

На старинныхъ, такъ называемыхъ лубочныхъ картинахъ, Сирена изображалась въ видѣ *дѣвы-птицы*, съ подписью: «птица Сиринъ, гласъ вельми силенъ (1).»

49. *А Игорева храбраго полку не кресити.* Это выраженіе часто встрѣчается и въ лѣтописяхъ. В. К. Ольга говоритъ посламъ Древлянскимъ: «уже мнѣ мужа своего не кресити.»—Въ Ипат. подъ 1151 г. «сего (К. Владимира) пама уже не кресити.»

50. *За нимъ кликну Карна и Жля поскочи по Русской земли.*

Карна и жля. Эти слова приняты толкователями за имена Половецкихъ Князей, не смотря на то, что лѣтописи повторяютъ, почти слово въ слово, выраженіе пѣвца Игоря, и что послѣ пораженія его въ день Св. Воскресенія, «наведе на ня Господь гнѣвъ свой», а не Половецкихъ Князей. Въ Кіев. л., бывшей у Карамзина: «и тако въ день Воскресенія наведе на ны *плачь* и жаль, на рѣцѣ Каялы.» Въ Ипат.

---

(1) Овидій въ V кн. Превращеній, описываетъ Сиренъ: Vobis Acheloides, unde pluma, pedesque ovium, quum virginis ora geratis..... Ne tamen ille canor, mulcendas natus ad aures... и т. д.

«въ радости мѣсто наведе на ня *плачь*, а въ веселье мѣсто *желю*. Древнее слово плача, причитанья по умершимъ — *карѣ*; а *жля*, тоже что *желя*, *жаль*—стѣнаніе, жалобы. Это причитанье и высказываетъ пѣвецъ: «жены русскія восплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати... и т. д. Но вмѣсто *жля поскочи*, слѣдуетъ читать *жля поскоми*, т. е. жалоба застонала по Русской землѣ, по смыслу *скомить*, скомлѣть—тужить, болѣть, стонать. Въ дополненіе: «*за нимъ кликну*» не значитъ Вел. Рус. *за нимъ*, а Южно-Рус. *по немъ*; т. е. по полкѣ, котораго уже не воскреснешь.

51. *Смагу мычючи въ пламенѣ розѣ.* Съ предположеніемъ, что *карна* и *жля*, Половецкіе Князья, наскочившіе на Русскую землю, *въ слѣдъ за Игоремъ*, нельзя было уже отказаться и отъ картины, что они мчали съ собою и пожары въ пламенномъ рогѣ, и что *рогомъ могло называться какое нибудь орудіе, изъ котораго карна и жля стрѣляли живымъ огнемъ*, какъ бесерменъ, его же яша, за годъ предъ тѣмъ, и приведоша къ В. К. Святославу *со устроеніемъ*, т. е. съ его огнестрѣльнымъ снарядомъ; но такъ какъ ничего подобнаго не случилось, то и должно искать инаго смысла въ словахъ «*смагу* (1) *мычючи въ пламенѣ розѣ*.»

Обратимъ вниманіе на бывшее солнечное затмѣніе, 1-го мая, 1185 года: «*солнце учинилось яко мѣсяцъ, изъ рогъ же его яко огнь горящь исхождаше.*» Не то ли же было въ словѣ о п. И., что и въ Лѣтописи: *солнце погасоста, яко мѣсяць, смагу мычючи въ пламенѣ рози*»? Пѣвецъ Игоря, упомянувъ въ началѣ о знаменіи, какъ недобромъ предвѣщаніи, долженъ былъ упомянуть, что солнце походило на мѣсяцъ, метающій изъ рогъ своихъ пламень, и потомъ уже дѣлать сравненіе съ затменіемъ славы князей: «Темно бо бѣ въ 3 день,

(1) *Смага* — жаръ; отсюда *смажити* — жарить.

два солнца померкоста, оба *багряная столпа* погасоста, и съ ними *молодая мьсяца* (1). Олегъ и Святославъ (отцы князей) тьмою ся поволокоста: на рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла.» Кажется ясно, что принявшій карна и жля, за Половецкихъ Князей, отнесъ къ ихъ подвигамъ слова: «смагу мычючи въ пламенѣ рози (2)»; а слова: «солнце померкоста, яко мѣсяцъ» почелъ неумѣстными.

52. ***Бѣль, бѣлка***— серебряная монета, или счетная доля гривны серебра, можетъ быть по цѣнности мѣховъ; но ни сколько не мѣхъ, не лоскутки мѣховъ, и не мнимыя кожаныя деньги.

53. ***Лжу убуди, которую успилъ отецъ ихъ Святославъ,*** великой побѣдой надъ Половцами, въ 1184 году.

54. ***Кощей.*** Объясненіе слѣдуетъ ниже. См. поясн. 77.

55. ***На кровати тисовѣ.*** Не *тесовой,* а *тисовой,* изъ тиса (taxus—if), который почитался ядовитымъ, смертельнымъ деревомъ. См. Плинія Lib. XVI. 20.

Синее вино съ трудомъ смѣшано. По Серб. *трут* и *трудъ*—трутъ, пепелъ, зола. Сновидѣніе Святослава, кажется, напоминаетъ обрядъ сожженія тѣлъ и на тризнѣ питье за упокой, смѣшанное съ прахомъ покойнаго. Еллины, при погребеніи героевъ, орошали прахъ ихъ краснымъ виномъ.

56. ***Съпахуть ли, тъщими тулы, поганыхъ тлковинъ.*** *Тъшть* — vacuus: «тъщами надеждами прельщаяся» т. е. *тщетными,* пустыми. (См. Мат. для слов. Востокова). *Тлковина,* вѣроятно зародыши тли, тлѣнія, или моли.

(1) Молодая мѣсяца — т. е. молодой мѣсяцъ: точно также какъ въ Ип. подъ 1113 г.: «остася солнца мало, аки мѣсяца (вмѣсто мѣсяцъ, какъ въ Кенигс. л.) доловъ рогома.» Мѣсяцевидная луна, вмѣсто серповидная. Дамаскинъ. См. Церк. Сл. Алексѣева.

(2) Какъ послѣдствіе намѣреній Кончака, за годъ до похода Игоря: плѣнити грады Русскіе и пожещи огнемъ.

57. *Великый женчюгъ.* Вмѣсто *великый* здѣсь должно, кажется, читать *вълъкый* — влажный. Впрочемъ *великій жемчугъ* употреб. и въ лѣтописяхъ. Подъ 1185 г. «и чудныхъ иконъ, золотомъ кованыхъ и каменіемъ драгимъ и *жемчюгомъ великимъ.*»

58. *Дъскы безъ кънеса.* Связь стропилъ на вершинѣ крыши называется *князкомъ;* а въ старину можетъ быть *кънесомъ,* что̀ и правильнѣе; ибо въ корнѣ слова не князь, а конъ, конецъ, заключеніе.

59. *Си нощь съ вечера одпѣахте мя. — Всю нощь съ вечера босуви врани.* По повторенному выраженію, *си нощь* описка вмѣсто *всю нощь.*

60. *Босуви врани.* Хотя *бусый* значитъ сѣрый (Обл. Слов.); но здѣсь ни *сѣрые* враны, ни *босые* враны неумѣстны. Подъ названіемъ *Бусовы враны,* пѣвецъ подразумѣваетъ Половцевъ перваго нашествія съ ханомъ *Боусомъ,* котораго имя въ лѣтописяхъ измѣняется въ Блушъ, Болушъ, Блусъ, по сходству буквы *л* съ *л.*

61. *Болонь, болонье* — подгорье, луговая сторона рѣки.

62. *Врани взграахуу... и не сошлю къ синему морю.* Здѣсь явно вмѣсто *несошлю* должно быть *несошась.*

63. *Олегъ и Святославъ тьмою ся поволокоста.* Эти Олегъ и Святославъ приписывались къ *молодая мѣсяца.* Въ этомъ отношеніи, г. Граматинъ почелъ необходимымъ даже замѣнить Олега Владимиромъ. Но здѣсь дѣло идетъ объ Олегѣ, отцѣ Святослава Рыльскаго, и о Святославѣ Всеволодовичѣ, дядѣ Игоря и Всеволода. Когда на рѣкѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла, тогда и они поволокнись тьмою— омрачились горемъ, и Святославъ изрони злато слово слезами смѣшено.

64. *Простроишася Половци, акы пардуже гнѣздо.* Въ Лѣт. подъ 964 г. съ легкостью парда сравнена быстрота движеній Святослава Игоревича: «легко ходя, аки *пардусъ*, воіны многи творяше.»

65. *Се бо Готьскыя красныя дѣвы.* *Готы*, или правильнѣе *Гоѳы*, извѣстные на Кавказѣ, до послѣдованія исламизму, подъ именемъ Гебровъ-Маговъ, у Магометанскихъ писателей — Kuthah и Dschûdi, въ Армянской Исторіи *Гэхти-к* (Халден), составляли древнѣйшее семитическое поселеніе въ нѣдрахъ Арменіи. Со времени Митридата, какъ промышленный народъ, родственный Хананеямъ (Финикіанамъ), они разселились и по торговымъ городамъ Босфораніи, т. е. въ Тавридѣ, и по азіатскимъ набережнымъ Донскаго Пролива. Римляне, въ преобладаніе свое надъ Босфораніей, не довѣряли власти туземнымъ князьямъ, а постановляли намѣстниками Гоѳскихъ Каганновъ. Когда Задонская *Сербадія* (Сарматія, Малые Скиѳы или Малые Аорсы—Русь) приняла при Константинѣ великомъ Христіанскую религію, здѣсь учредилась Томитанская (1) Митрополія. Борьба Руси съ Каганами продолжалась; при помощи единовѣрцевъ Персовъ, послѣ смерти Атилло, они овладѣли снова Задоньемъ, или Томитанскою областію. В. К. Святославъ Игоревичь рушилъ это преобладаніе и возвратилъ область Руси, подъ именемъ уже Тмуторокани. Названіе Тмуторокань образовалась изъ *Тома-тарханъ* (Таматарха, по Конст. Багр.), что значитъ, въ азіатской формѣ, *Донской торгъ. Тарханъ*, отъ слова *торгъ*, по сіе время употребляется въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ значеніи торгашъ, въ Ряз. *торганъ*, въ Арх. *торгованъ*. См. Обл. Словарь.

Русскіе Князья постоянно боролись за Тмуторокань съ Каганами, которые по Придонью населили свое сторожевое войско, составленное изъ прозелитовъ Яссовъ, Косоговъ, бѣглецовъ изъ Руси, и выведен-

(1) По Городу Томи, т. е. Дону (Танаису), соотвѣтственно Азіатскому названію *Тума*. см. «*Донъ*.»

ныхъ изъ за Волги Туркменъ и другихъ ордъ, прозванныхъ Русью Половцами, въ значеніи кочующихъ, и Куманами, по р. Кумѣ.

Игорь, въ свою очередь, какъ выражается пѣвецъ его, слетѣлъ соколомъ съ отня злата стола, *поискати града Тмутороканя*, любо испити шеломомъ Дону.

66. *Бусово время.* Пѣвецъ Игоря припоминаетъ первое нашествіе Половцевъ, подъ предводительствомъ Боуса (Буса), въ 1054 году. Нашествіе же Боняка и Шарукана было въ 1107 году. Русскіе Князья разбили Половцевъ, и взяли многихъ хановъ въ плѣнъ; но Шарукань успѣлъ бѣжать. Въ 1111 году Половцы снова пришли «тьмами тьмы» на Русь, обступили полки Русскіе и бысть брань люта. Эту-то мѣсть Шарукана и прославляли готьскыя красныя дѣвы.

67. *Цвѣлити*—affligere, поражать. См. Мат. для Слов. Востокова.

68. *Черниговскіе Были.* Въ Кенигсб. Сп. эти Были называются *Черниговскою помочью.* Въ Ип. л. «Игорь испроси у Ярослава *помочь,* Ольстина Олексича съ *Коуи* (по друг. *Ковуи) Черниговскими.*» Въ тоже время упоминается *Галицкая помочь, Володимирская, Луцкая.* Въ «Мат. для Слов. Востокова» *Быль* объясняетея словами вельможа, бояринъ, сообразно съ нѣкоторыми переводами съ Греческаго, замѣнявшими μεγισιᾶνες, словомъ *Были,* которое, слѣдовательно, есть тоже, что Велій, Болій, Серб. *Больар* и Русское Бояринъ.

Слово *помочь,* подъ начальствомъ Болiихъ или Боляръ, напоминаетъ сказаніе Тацита о дружинахъ Славяно-Русскихъ: «Если въ родномъ краю наступалъ продолжительный миръ, то большая часть благородной молодежи (plurique nobilium adolescentium), отправляется въ тѣ области, которыя ведутъ съ кѣмъ нибудь войну; ибо этихъ людей миръ ничѣмъ не вознаграждаетъ, а посреди превратностей для нихъ болѣе случаевъ прославиться. Сверхъ того, большую дружину, безъ

добычѣ и войны, нѣтъ средствъ удовлетворять, потому что она требуетъ отъ Князя снабженія каждаго воина ратнымъ конемъ и кровожадной, побѣдоносной сѣкирой и т. д. (1).»

Во всякомъ случаѣ *Былей* не должно смѣшивать съ *Ковуями*. И по Лѣтописи, «помочь Ольстина Олексича (Быля, Боярина) съ Ковуи Черниговскими». Подъ названіемъ *Былей* должно подразумѣвать начальниковъ отрядовъ, а подъ словомъ *Ковуи* самый отрядъ, или по роду оружія (стрѣльцы, копѣйщики, латники, оружники), (2) или по мѣстности.

Какъ съ Сѣвера ходила на помочь, въ Русь и Грецію, вольница *Варяжская* (изъ Руси Фряжской, Франкской, Франконской), такъ съ Кавказа и изъ Заволжья, ради добычи, ходила иновѣрная помочь *Печенѣгъ* (Бан-Ногаевъ или Великихъ Ногаевъ), Команъ или Половцевъ, Торковъ, Берендеевъ (Берда) и Каракалпаковъ (черные Клобуци). Но родственная помочь шла отъ Галицкихъ Князей, изъ Угръ и Чехъ, и Горичанъ (Korytani) Угорскихъ. или Хорватскихъ. Главные верьхи этихъ горъ носили названія: *Татры*, Черна-гора, *Кововы горы* (Kowowi hori, т. е. рудныя горы). Kow—руда; kowkop — рудокопъ; kowar, kowac, howar — кузнецъ, ковачъ. Kow, вообще, металлъ; но по слову haw, значитъ и оружіе, armatura. И слѣдовательно *ковуями* назывались, или *оружники*, вооруженные кованой броней, или помочь съ *Кововыхъ* горъ. Какъ *Татраны*, по Татрамъ, *Могуты, Шелбиры, Ревуги, Олберы*, безъ сомнѣнія также были *балаунами* (balaun, по Чешски, volontär im Heere, вольный воинъ), изъ мѣстностей Карпатскихъ, которыхъ настоящія названія искажены. Подъ назван. *Олберы*, кажется должно понимать помочь области *Алыберской*. «Царь Алыбер-

---

(1) «Вдай, княже, оружья и кони, еще бьемся съ ними.» Слова Кіевлянъ, послѣ битвы съ Половцами, въ 1067 году.

(2) Снаряженные воины.

скій Саулъ Лаванидовичь поѣхалъ за Синее море, въ Половецкую землю, брать дани.» См. древ. пѣснь Саулъ Лаванидовичъ. Сборн. Кирши Данилова.

69. *Съ засапожникъ.* Засапожникъ, въ Сибири значитъ короткій ножъ, который кладется за голенище сапога. (См. Опыт. Обл. Великор. Слов.).

Въ числѣ древнихъ вооруженій были ножи: *запоясные,* двух-лезвейные. *Подсаадашники*—широкіе, съ однимъ лезвеемъ, которые привѣшивались къ поясу, подъ *налучней,* или саадакомъ. *Засапожные*— втыкались за голенище праваго сапога, имѣли кривой клинокъ, называвшійся *шлякомъ.* См. Опис. воор. Росс. войскъ. Висковатаго.

70. *Зсонячи въ прадѣднюю славу, нъ рекоста: «мужаимся сами, преднюю славу похытимь, а заднюю ся сами подѣлимъ...»*

Преднюю славу—прежнюю, предшествующую, anterior.

Заднюю—послѣдующую за ней, т. е. предстоящую.

Похытить. Въ Чешск. chytiti, pochytiti, между прочимъ значитъ ухватиться, почать, и возгорѣться—ardescere. См. Слов. Палковича.

Приведенныя пѣвцомъ Игоря слова *помочи* Ярославовой, доказываютъ, что *помочь* Могутовъ, Татрановъ и пр. была родная Славяно-Русская помочь, а не иновѣрная или поганская.

71. *Коли соколъ въ мытьхъ бываетъ*—въ *понимани,* когда свито гнѣздо для самки и птенцовъ.

72. *На ниче ся годины обратиша.* На склонъ; соотв. выраженію: все пошло подъ гору.

73. *Се Уримъ кричать подъ саблями Половецкими.* См. лѣтописное сказаніе. *Се Уримъ* (въ Екат. спискѣ *Се Урим*) описка вмѣсто Се у *Римъ*, или по лѣт. у *Римова*, гдѣ К. Владиміръ Глѣбовичъ былъ смертельно раненъ.

Въ завѣщаніи Владиміра Всеволодовича своимъ дѣтямъ, упоминаются и Римовъ и Роменъ, какъ два различные города. Близь р. Сулы, верстъ на 60 ниже Роменъ, есть и по нынѣ селеніе *Римъ*.

74. Пѣвецъ Игоря обращается къ отсутствующему Всеволоду Гюрговичу или Георгіевичу, Кн. Суздальскому. Онъ прославился побѣдой надъ волжскими Болгарами (1), въ 1182—84 году. О походѣ его въ *насадахъ* (большихъ ладьяхъ) по Волгѣ, пѣвецъ Игоря упомянулъ словами: «Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти.»

75. *Чага.* Въ Ипат. л. подъ 1170 г.: «Яко же всѣмъ Русскимъ воемъ наполнитися до изобилья и колодники, и чагами, и дѣтми ихъ, и челядью и скоты и конми.» *Чага* — ничего не значитъ, а *Ичага* значитъ *знатный* Половецкій мужъ. Въ лѣтописи безъ сомнѣнія и было: «Наполнитися до изобилья колодники (плѣнными): *ичагами* и дѣтьми ихъ и челядью ихъ.» Въ пѣсни о п. И. сопоставлены и оцѣнены сравнительно: *знатный* по ногатѣ, а *челядинецъ* (кощей) по *рѣзань*.

76. *Ногата.* Счетное подраздѣленіе существенной монеты — *гривны*. Въ гривнѣ считалось 20 *ногатъ*. Въ Сербіи, въ Іадрѣ, *но́га* значитъ нѣкоторое число при назначеніи подати (порѣза). Въ древн. языкѣ *рѣзъ* знач. процентъ, условленная часть гривны.

Рѣзань. Въ гривнѣ считалось 50 рѣзаней. «Давайте убо взаимъ, но не отягчайте лихвой, но шти рѣзань емлите.» Измарагдъ. 1509. См.

---

(1) *Болгары*—Бохмиты, жившіе за Волгой и вынужденные при Абассидахъ принять магометанство. Ихъ главный городъ былъ Болградъ (Болгаръ), по Лѣтописи *Великій градъ*. Въ Gihan Numa упоминается, что и по языку и по обычаямъ они не отличаются отъ Руссовъ. Gihan Numa. M. Norberg. P. I, 516.

Слов. Востокова. Въ отношеніи цѣнности ногаты и рѣзани, см. Ист. Г. Р. т. I, прим. 298, и т. II-й, прим. 79,108.

77. *Кощей.* Это слово является со времени войны съ Половцами, когда и плѣнные изъ *поганыхъ* обращались въ прислугу. Въ пѣсни о п. И. *кощей* именно означаетъ челядинца Половецкаго; но въ Русскомъ смыслѣ этого слова. Въ Ипат. л. подъ 1170 г., кощей Ославича Гаврилкова бѣжитъ отъ него и даетъ вѣсть Половцамъ, что Русскіе Князья поднимаются на нихъ войною.

Въ Лѣтописи, Кончакъ прозывается *безбожнымъ*, въ Словѣ о п. И. *поганымъ кощеемъ*. До магометанства, какъ Половцы, такъ и Татары были Халдейскаго вѣрованія—Маги (по Перс. *Мугуль*, по Тат. *Муглы*, что Рюйсбрёкъ въ путешествіи своемъ въ Татарію, въ 1253 г., выражаетъ словомъ Maul); слѣдовательно обрѣзанцы, *каженые, кащеные*. Въ этомъ смыслѣ и въ Словѣ о п. И. Кончакъ названъ *кощеемъ*, что слишкомъ бы не шло къ объясненію, что «*кощеями назывались младшіе отроки княжескіе*» (1), потому только, что при В. К. Андреѣ Боголюбскомъ, былъ *кощей малъ дѣтескъ* (2).

78. *По суху стрѣлями.* Мы уже упомянули въ поясн. 74, что Всеволодъ Георгіевичъ ходилъ войной на Болгаръ, по Волгѣ, на насадахъ. Съ нимъ были храбрые сыновья Глѣба Рязанскаго. Въ противоположность его побѣдоносныхъ походовъ на судахъ, пѣвецъ Игоря вызываетъ его съ Глѣбовичами на сушу, на защиту Южной Руси отъ Половцевъ.

---

(1) Ист. Г. Р. т. II-й прим. 420. На этомъ же основаніи, въ «Мат. для Словаря» Востокова, *кощей* знач. отрокъ, мальчикъ.

(2) Этотъ кощей только въ Новг. л. и въ Никоновской; между тѣмъ какъ въ древнѣйшихъ спискахъ, въ Лавр. Ипат. и Кенигсб. его нѣтъ; а взялся этотъ кощей, по догадкѣ, изъ Ипат. л. изъ словъ Князя, когда убійцы подошли къ его двери: Кто есть? — спросилъ онъ.—Прокопьи,—отвѣчалъ ему одинъ изъ нихъ.—О, паробче, не Прокопьи! — воскликнулъ Князь, въ отвѣтъ злодѣю, узнавъ по голосу, что онъ не Прокопій.

79. *Живыми шереширы, удалыми сыны Глѣбовы.* Слова *живыми* въ Екатер. спискѣ нѣтъ, и въ ея переводѣ также. Принимая *шереширы* за какія нибудь *военныя машины,* толкователи могли и округлить выраженіе (хоть на полѣ рукописи) словомъ *живыми,* почерпнувъ его изъ Лѣтописи: «стрѣляше живымъ огнемъ»; но Лѣтопись говоритъ какъ о необычайной новости, что треклятый Кончакъ привелъ съ собою «бесерменина, иже стрѣляше *живымъ огнемъ*» и употребилъ въ дѣло *«луци самострѣльные»*, которые съ трудомъ натягивали 50 человѣкъ.

Изъ военныхъ орудій были *возы,* тоже что у западныхъ Славянъ woyowni woz, woyenskì woz — *тараны,* по Чешски *тарасницы;* о иныхъ лѣтописи не упоминаютъ. Во всякомъ случаѣ *шереширы* есть ложное чтеніе; чему могло быть причиною непзвѣстное переписчику слово, подъ титлами. Какъ пѣвецъ назвалъ Мстиславичей *шестокрильци* (стрѣлы), такъ Глѣбовичей онъ могъ назвать шестоперци, или шестоперы (1). Но, вѣроятнѣе, пѣвецъ употребилъ здѣсь, занесенное западной помочью, слово *шеремицы* — наѣздники, соотвѣтственно позднѣйшему слову *шеремиція* —наѣздничество, партизанство, escarmouche (2).

80. *Осломысле* — грубая описка вмѣсто *остромысле* — acri mente praeditus, тоже что *остроумне* — acuto mente praeditus. См. Лекс. Треяз. Ярославъ Галицкій славился своею мудростію: «Бѣ же Князь мудръ, и рѣченъ языкомъ и богобоязливъ, и честенъ въ земляхъ, и славенъ полкы. .. Гдѣ бо бяшеть ему обида, самъ не ходяшеть полкы своими, но посылашеть и съ воеводами.»

---

(1) Желѣзная палица военачальниковъ (булава) въ видѣ шестикрылой стрѣлы.

(2) Въ Чешск. Sserm—наѣздничество, шермованье, сармованье; *Шермичир* — Veles, легкоконный. Гальс. escarmouche (e — scarmouche), Итал. Scaramuccio. Брит. skirmish (sc и sk = s, sch). Въ Нѣм. Scharmützel.

81. *Желѣзными полкы.* Такъ назывались полки въ кольчугахъ, или желѣзной бронѣ.

82. *Меча времены чрезъ облакы. Времены* ошибочно вмѣсто бремены. Въ Сл. *бремено*—бремя, тяжесть, громада.

83. *Отворяеши Кіеву врата*—запертыя нашествіемъ враговъ. «*Стрыляеши съ отня злата стола салътани за землями.*» Смыслъ этого выраженія заключается въ словахъ Лѣтописи, что Ярославъ самъ не ходилъ на войну, а посылалъ полки свои подъ предводительствомъ воеводъ. См. поясн. 80. И въ этомъ случаѣ, Ярославъ, кажется, первый изъ Русскихъ князей, послѣдовалъ примѣру Запада, вопреки наслѣдственному названію *Князь* (*Ганнеса* — военачальникъ.) (1).

84. *Кончака, поганаго кощея.* См. пояс. 77. Кончакъ былъ ханъ Половецкій; и слѣдовательно здѣсь нельзя понимать прозвище *кощей,* ни въ смыслѣ *отрока, мальчика* (Слов. Востокова), ни въ смыслѣ *раба.* Придаваемое Лѣтописью Кончаку прозвище *безбожный,* замѣняетъ, употребленное пѣвцомъ Игоря, слово *кощей* т. е. *каженикъ.*

85. *А ты буй Романе, и Мстиславе! храбрая мысль носитъ ваши умъ на дѣло.* Пѣвецъ обращается къ знаменитому Роману Мстиславичу, Князю Владимирскому, и потомъ Галицкому, и Князю Мстиславу Романовичу, который во время нашествія Кончака, въ 1184 году, ходилъ *на воропъ,* т. е. начальствовалъ передовымъ *наблюдательнымъ* отрядомъ, и первый внезапно ударилъ на

---

(1) См. «Индо-Германы, или Сайване.» Стр. 28.

Половцевъ, взялъ въ плѣнъ *меньшицю* (наложницу) Кончака и бусурманина съ огнестрѣльнымъ его снарядомъ.

Про Романа Мстиславича, Лѣтопись говоритъ словами пѣснопѣвца его времени: «устремилъ бо ся бяше на поганыя яко и левъ, сердитъ бо бысть яко и рысь (пардъ), и губяше яко и коркодилъ, и прехождаше землю яко и орелъ, храборъ бо бѣ яко и туръ.»—«Та же и Папа слышавъ, ижъ Романъ Угре и Ляхи побѣди и всю Русь подъ себѣ приведе, сла къ нему свой посолъ, *намовляти въ латинскую вѣру* свою, обѣщавая ему грады и *королемъ въ Руси учинити (!)*. Романъ же препирашеся отъ письма; а они не *срамляся належаху ему ласковыми словесы*. Единою же молвящу послу тому къ Романови; како Папа мочный и можетъ его богата, сильна и честна *мечемъ Петровымъ устроити*, изъявъ мечь свой рѣкъ послу: «такій ли то мечь Петровъ у Папы? иже имать такій, то можетъ городы давати; а азъ доколѣ имамъ и при бедрѣ, не хочу куповати иною кровію, яко же отцы и дѣды наша размножили землю Русскую.» Пропаганда Папежа началась при Владимирѣ Великомъ. Въ 986 году, онъ отвѣчалъ нѣмцамъ, посламъ Папы: «идите за ся (во своясн), яко отцы наши сего не пріяли суть.»—Рейнберинъ, Латинскій бискупъ, успѣлъ совратить сына Владимира, Святополка, въ Папизмъ. Исторія придала этому родоначальнику Русскихъ отступниковъ отъ Православія прозвище *окаянный*. Плодомъ отступничества было убійство братьевъ, Бориса и Глѣба, и начало Княжескихъ междоусобій. Въ то время послы Папы постоянно разъѣзжали по Русскимъ Княжествамъ «носяще благословеніе отъ Папы и вѣнецъ и санъ королевства.»

86. *Литва, Ятвязи, Деремела. Ятвяговъ* по сіе время считается въ Гродненской губерніи болѣе 30 тысячъ и всѣ они православнаго исповѣданія. Вмѣсто *Деремелъ* слѣдуетъ читать *Деревлянъ*. Древлянъ, въ Волынской губ. по сіе время считается до 196 тысячъ, и въ Подольской губ. болѣе 500 д. См. статью о племенномъ составѣ народонас. Западнаго края Росс. Имп. М. Лебедкина.

87. *Утрѣпѣ солнцю свѣтъ. Утрѣпати* — холодѣть. См. Слов. Востокова. Здѣсь подразумѣвается осенній свѣтъ солнца.

88. *А древо не бологомъ листвіе сронило.* Вмѣсто *не бологомъ,* слѣдуетъ читать *по бологомъ,* т. е. *по балкамъ;* или *по волокомъ. Волокъ* — крупный лѣсъ, боръ, который тянется на нѣсколько верстъ. (см. Обл. Слов).

89. *Ингваръ и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи.* Ингваръ и Всеволодъ, сыновья Ярослава Изяславича. Три Мстиславича: Ярославъ, Всеволодъ и Владиміръ.

90. *Не худа гнѣзда шестокрыльци.* Сравненіе съ *гнѣздомъ стрѣлъ,* шестоперыхъ, или шестокрылыхъ.

91. *И Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ, подъ кликомъ поганыхъ.* Здѣсь три описки: вмѣсто Десна—Двина; вмѣсто *онамо* (т. е. тамъ, туда) *онымъ;* вмѣсто *Половчаномъ*—Полочаномъ. Когда Половцы мутили воду въ Сулѣ и Деснѣ, Полоцкъ, на Двинѣ, былъ слишкомъ далеко отъ нихъ — верстъ за 600.

92. *Изяславъ, сынъ Васильковъ.* По мнѣнію Н. М. Карамзина, слѣдуетъ читать *Всеславъ Васильковичь* (Ис. Г. Р. II, прим. 407), К. Полоцкій. Это видно изъ словъ самого пѣвца Игоря, который упоминаетъ о братьяхъ Всеслава, Брячиславѣ и Всеволодѣ: «Притрепа славу дѣду своему Всеславу (Брячиславичу).» Пѣвецъ повторяетъ: «Ярославе, и вси внуци Всеславли! уже понизить стязи свои, вонзить мечи вережени: уже бо выскочиста изъ дѣдней славѣ.»

93. *Притрепа славу дѣду своему Всеславу.* Здѣсь слово *притрепа* въ смыслѣ Чешскаго слова trepam—insonare, crepare — звучать, издавать звукъ; хотя оно имѣетъ также и значеніе *трепать* —ударять, бить ленъ, конопель. Изяславъ, или Всеславъ (по Лѣтописи) не могъ ни разбить, ни затмить славы дѣда Всеслава, только позвонивъ о шлемы Литовскіе. Выраженія пѣсни ясны: одинъ только Изяславъ прозвучалъ дѣдовскую славу; всѣ же прочіе «выскочиста изъ дѣдней славы.»

94. *Схоти ю на кровать, и рекъ: «Дружину твою Княже»* и пр. Принимать эту рѣчь за слова самого Изяслава, потому только, что въ Пѣсни вмѣсто слова *реша* написано *рекъ*,— странно. Истерзанный мечами Литовскими и изронившій уже душу изъ храбраго тѣла сквозь золотое ожерелье, кажется, не могъ уже ни обращаться къ самому себѣ, ни *карить* — отпѣвать самого себя.

95. *Схоти ю.* Слѣдуетъ читать *схити и*—взяли его, возложили. Chititi—capere, comprehendere.

96. *Которое бо бяше насиліе отъ земли Половецкой.* Вмѣсто *которое* слѣдуетъ читать *ко́торы*.

97. *На седьмомъ вѣцѣ Трояня.* По списку Имп. Екатерины: «*на седмомъ вѣцѣ Зоями.*» Въ Словѣ о п. И. всѣ числа писаны были цифрами (буквами). Здѣсь также должна быть буква $\overline{з}$ и слово *вѣцѣ* по догадкѣ вставка, что доказываетъ списокъ Императрицы, гдѣ $\overline{з}$ съ титломъ соединилось съ неразобраннымъ словомъ *краяни*. Такъ какъ всѣ войны Руси съ Половцами происходили за Тьмуторокань, т. е. за Черноморскую Краину, что явно и изъ словъ пѣвца объ Игорѣ, который также шелъ войной «поискати града Тмутороканя»; то и здѣсь смыслъ подлинника былъ слѣдующій: «Вы бо

своими крамолами почасте наводити поганыя на землю Русскую, на жизнь Всеславлю: кòторы бо бѣше, и насиліе отъ земли Половецкой за земли Краяни.» т. е. «Вы (всѣ внуки Всеслава) своими крамолами начали наводить поганыхъ на землю Русскую, на благоденствіе Всеслава; ибо всѣ раздоры, и насилія отъ земли Половецкой, были за землю Краинскую» т. е. Тмутороканскую область, гдѣ сосредоточивалась обширная Русская торговля хлѣбомъ, мѣхами, рыбой и пр. и гдѣ пошлины съ иноземныхъ кораблей и каравановъ азіатскихъ давали Руси золото и богатства, которыя раздоры Князей потопили въ рѣкѣ Каялѣ.

98. ***Всеславъ***, сынъ Брячислава Изяславича Полоцкаго, наслѣдовалъ отцу въ 1044 году. «Сего Всеслава, говоритъ лѣтопись, мати роди отъ волхвованія; внегда бо родися, бысть язвено на главѣ его, и рекоша волсви матери его: сіе язвено навяжи нань, да носитъ до живота своего, и во всемъ благополучивъ будетъ. Его же и носи Всеславъ до живота своего; сего ради немилостивъ бысть на кровопролитіе» (1).

Упоминанія о Всеславѣ, видимо почерпнутыя пѣвцомъ Игоря изъ повѣстій Яна, сходны совершенно съ упрощенными и сокращенными, или дошедшими до насъ въ сокращеніи, (2) сказаніями Нестора, писавшаго по словамъ же Яна. Только Лѣтопись и можетъ пояснить намеки Пѣсни о судьбѣ Всеслава; а потому, выписываю слова Лѣтописи.

«Въ лѣто 1066, заратись Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полочскый, и зая Новгородъ. *Ярославичи* же тріе: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, совокупивше вои, идоша на Всеслава, зимѣ суще велищѣ. И

---

(1) Густ. л. Въ Лавр. же: «Еже носить Всеславъ и до сего дне на себѣ, сего ради немилостивъ есть на кровопролитье.»

(2) Различіе списковъ и состоитъ по преимуществу, то въ сокращеніи тѣхъ или другихъ событій противъ первообраза, то въ пополненіи подробностями, по спискамъ сохранившимъ ихъ.

придоша къ Мѣньску (Минску) и Мѣняне затворишася въ градѣ. Сіи же братья взяше Мѣнескъ, иссѣкоша мужи, а жены и дѣти взяша на щитъ, и поидоша къ Немизѣ, и Всеславъ поиде противу. И совокупишася обои на Немизѣ, мѣсяца Марта въ 3-й день; и бяше снѣгъ великъ, поидоша противу собѣ, и *бысть сѣча зла,* и мнози падоша, и одолѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ. Всеславъ же бѣжа. По семъ же, мѣс. Іуля, въ 10 день, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ цѣловаша крестъ честный ко Всеславу, рекше ему: «Приди къ намъ, яко не сотворимъ ти зла». Онъ же надѣявъ ся цѣлованью креста, *переѣха въ лодьи черезъ Днѣпръ;* Изяславу же въ шатеръ предъидущю; и тако яша Всеслава на Рши у Смолиньска, преступивше крестъ. Изяславъ же привелъ Всеслава Кыеву, всади и въ порубъ съ двѣма сынома.»

Въ лѣто 1067, Ярославичи, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, выступивъ противъ Половцевъ, были разбиты. Кіевляне, прибѣжавъ съ боя къ Кіеву, просили у Изяслава оружья и коней: «вдай, Княже, оружья и кони, еще бьемся съ ними.» Изяславъ не рѣшился на новую битву и бѣжалъ въ Ляхи. Освободивъ Всеслава изъ темницы, Кіевляне поставили его на княженіе, и онъ семь мѣсяцевъ княжилъ въ Кіевѣ.

«Въ лѣто 1068 пойде Изяславъ съ Болеславомъ на Всеслава; Всеславъ же пойде противу; и *прiиде къ Бѣлугороду Всеславъ, и бывшей нощи утаися* Кіянъ и бѣже изъ Бѣлгорода къ Полоцку.» О тѣхъ же событіяхъ намекаетъ и Слово о п. И., но отрывисто и языкомъ пѣснопѣвца Яна.

99. *Врѣже Всеславъ жребiй о дѣвицю себѣ любу, тъй клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Кыеву.* Здѣсь дѣвица не у мѣста: Всеславъ бросалъ жребій не на дѣвицу, а на *дѣдину,* т. е. на наслѣдіе, какого нибудь княженія. Съ этой цѣлью онъ и рыскалъ во всѣ стороны лютымъ звѣремъ. Слово *клюка* можно понимать и въ смыслѣ *обманъ* и въ смыслѣ *костыль.* Такъ оно и передавалось; хотя ни то, ни другое значеніе не идутъ

къ Всеславу, ни по Лѣтописи, ни по Слову. Въ подлинникѣ было, вѣроятно, *клъками*, т. е. подколѣнками (Слов. Востокова), собственно костями колѣнъ.

Тъй здѣсь не мѣстоименіе *тый*, но Южно-русское *да и*.

100. ***И дотчеся стружіемъ злата стола Кіевьскаго.*** *Дотыкатися* — tango, attingo — касаться, добраться, добиться, достигнуть.

Стружіе, принималось за оружіе, за всеоружіе; но Всеславъ добрался до престола не оружіемъ, а случайностію, освобожденный Кіевлянами изъ тюрьмы. Смыслъ пѣсни простъ: пустился въ путь къ Кіевскому престолу на конѣ, а доѣхалъ до него *на стругѣ*, (1) т. е. на ладьѣ. Обстоятельство пріѣзда Всеслава къ Ярославичамъ на ладьѣ, могло быть внесено въ Лѣтопись, только изъ пѣснивыхъ повѣстей Яна. Какъ однако же ни соотвѣтствуетъ это пониманіе описанію Всеслава, рожденнаго отъ волхвованія; но *стружіемъ* можетъ значить также *муками*, по смыслу повѣстей о страданіяхъ мученическихъ: «біеми различно и стружеми», т. е. *мучимы, терзаемы*. См. Церк. Слов. П. Алексѣева.

101. ***Скочи отныхъ*** (испр. ***отъ нихъ***) ***лютымъ звѣремъ въ полночи.*** Вмѣсто *отныхъ*, слѣдуетъ читать *отонуду—откуда;* это ясно по смыслу: «Скочи къ Кіеву, откуда скочи къ Бѣлграду.»

102. ***Изъ Бѣла-града обѣсися синѣ мглѣ.*** *Обѣсити* — suspendere, въ смыслѣ soulever—*поднялся* синею мглой; или вѣрнѣе *овѣсися—окутался* синею мглой. Въ Сербс. објеситисе — suspendere se.

---

(1) *Струг* или *стружекъ*. Легкая остроконечная лодка, поднимающая не болѣе трехъ человѣкъ. Обл. Слов.

103. *Утрь же возьни стрикусы оттвори врата Нову-граду. Стрикусы* такое же необъяснимое слово, какъ и *шереширы.* Но эти *возные стрикусы,* которыми Всеславъ отворилъ Новгородскіе ворота, имѣютъ здѣсь опредѣленное значеніе *стѣнобитнаго орудія.* Стѣнобитныя же орудія назывались у насъ *пороками: «порокомъ* же бьющимъ безпрестани день и нощь и выбиша стѣны.»

Каменометныя орудія назывались *таранами:* «Оже и *тараны* нань ставиша и меташа нань каменемъ, полътора перестрѣла; а камень же яко можаху ѧ (4) моужа силини подъяти его.»

Въ Чешскомъ Tarasnice, потеряло уже смыслъ и толкуется двояко: ballista, catapulta; но это слово, кажется, происходя отъ Taras—башня, стрѣльница, имѣетъ значеніе возной (wozny) стрѣльницы. Tarny woz—въ смыслѣ воза военныхъ тягостей, въ старину, безсомнѣнія, имѣлъ то же значевіе, что по изшимъ лѣтописямъ *возы* при войскахъ, имѣвшіе значеніе не просто *обозовъ,* а возовъ вооруженныхъ; напримѣръ, подъ 1177 годомъ: «Всеволодъ, нарядивъ полкъ, пусти возы на ту сторону рѣки, идѣже Глѣбъ стояше, (и гдѣ была *твердь* — укрѣпленіе, затруднявшее переправу); а Глѣбъ наряди полкъ со Мстиславомъ Ростиславичемъ на *возы.* Князь же Всеволодъ посла сыновца своего Володимира съ Переяславцы, и нѣколико дружины съ нимъ, гдѣ *возы* стояху противу Мстиславу.» Слѣдовательно это были *возныя стрѣльницы,* съ *таранами* противъ *твердей.*

Во всякомъ случаѣ слово *возныя стрикусы* замѣняетъ въ Пѣсни *возныя стрѣльницы.* Можно производить его отъ *стрькъ,* стрѣкати, стрѣчати; но въ этомъ значеніи существуетъ слово *стркало* и *стрикало,* что по Церк. Слов. однозначительно съ *бодило.*

104. *Разшибъ славу Ярославу;* т. е. Ярославлю, взятіемъ Великаго Новгорода. «Приде Всеславъ и възя Новъгородъ, съ женами и съ дѣтьми; и колоколы съима у святыя Софіи, и попекодила съима,

о, велика бяше бѣда въ часъ тыи.» За это, сыны Ярослава, Изяславъ. Святославъ и Всеволодъ, возстали на него. «Всеславъ скочи волкомъ съ Дудутокъ (*съ Дудорокъ*, въ Вотской пятинѣ?) *до рѣки Немиги*», гдѣ встрѣтилъ войска Ярославичей; но былъ разбитъ на голову и бѣжалъ съ поля.

Вершины Нѣмана верстахъ въ 50 отъ Минска къ западу, и не на пути отъ Полоцка къ Минску. Битва была близь Минска, взятаго Ярославичами, и вѣроятнѣе на рѣчкѣ *Немиѣ*, впадающей въ *Свислочь*, въ настоящее время въ самомъ городѣ.

105. *Изъ Кіева дорыскаше до куръ Тмутороканя.* *До куръ*—до пѣнія пѣтуховъ, до разсвѣта. Этотъ обычный вѣстникъ утра часто употребляется и въ лѣтописяхъ:» Петрови же выѣхавшу изъ Галича, и бѣ ему уже вечеръ. и лежа у Болшевѣ; и яко бысть убо *къ куромъ* (къ разсвѣту), и пригна дѣтьскый изъ Галича.» Ипат. л. подъ 1152 г.—«Къ *куромъ* же собрася все множество людіи въ темницѣ.» Жит. Григ. Акраг. См. Мат. для Слов. Востокова.

О бѣгствѣ Всеслава въ Тмуторокань, Лѣтопись не упоминаетъ. Вѣроятно, это было послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ покушеній добыть себѣ престолъ.

106. *Великому Хръсови волкомъ путь прѣрыскаше.* Прямой путь Всеслава, и вообще Русскихъ Князей, въ Тмуторокань, лежалъ чрезъ Тавриду. Не говоря уже, что объѣздъ Азовскаго моря представлялъ двойное разстояніе, путь чрезъ Донъ и Задонскія степи, занятыя Половцами, былъ невозможенъ. Пѣвецъ Игоря назвалъ уже городъ Херсонъ Корсунью, какъ и Лѣтопись; но Всеславъ путь прерыскаше чрезъ полуостровъ Херсонисъ — *Χερσόνῆσος ἡ μεγάλη*, *Великій Херсонисъ* (островъ *Χέρσος*). Его населяли искони Скиѳы, ведущіе родъ свой отъ Иракла (Герод.), по названію Греческому; а по Русскому отъ Хари-с, или Юрія, *Ἄρης*, *Ἥρως*, Яро, Јуро, Юрошъ, Сербс. *Джюро*, переходное *въ Джюрдже* и сближающееся съ *Γεωργὸς*·

Но. Русскій *Γεωργὸς* — Ziemienik, т. е. земный, есть названіе того же Яро, Juro, Гуро, Гурко, Gurho, Gurche, Gorcho, Curcho, Korscha, Kors, Хърсъ, Хръсъ.

Страбонъ (Кн. VII — 306) вмѣсто Скиѳы *Γεωργοὶ*, пишетъ Сарматы *Οὖργοι*; *Георги* же были тѣже Тавры — Туричи, однородные по его словамъ съ Алпійскими Таврисками или Туричами. Но *Туро* (Тьуро), есть только иная форма произношенія имени Jуро. «*Таврескиѳы* же называютъ сами себя Русью—*Ταυρο-Σκύθαι οὓς ἡ κοινη διαλεκτος Ρως εἰωθεν ονομαζειν*. Страбонъ ихъ и называетъ не иначе, какъ *Ροξανοὶ*; подходя же къ нимъ въ описаніи, съ азіатской стороны, измѣняетъ безотчетно тоже названіе въ азіатскую форму съ членомъ—*Ἀορσοι* (er-Ros, Оросъ, Урусъ) и раздѣляя ихъ въ тоже время, сообразно Великой и Малой Скиѳіи, на Великихъ и Малыхъ Аорсовъ.

По Геродоту, одно и тоже пространство занимаютъ и Скиѳы *Георги*, и *Σκύθαι οἱ ἄριστοὶ* (знаменитые, воинственные); страна ихъ называется *Γέρρος* (er-Ros); Греки Ольвіи называютъ Георговъ Борисѳенитами, т. е. Днѣпровцами; они же *Νευροὶ* (читай *Νεπροὶ*, *Νεπρῶν*, т. е. *Непряне*, по народному названію р. Днѣпра.

Какъ Еллинскій Ареій, богъ побѣды, носилъ названіе *Θοῦρος*—ярый, воинственный, соотвѣтствовавшее эпитету героевъ *Ταυρος βους*, такъ же точно Яро, или Юрій (Туро), далъ прозвище витязямъ — Туръ-ярый.

Фрере (1), согласно съ Страбономъ, сознательно называетъ Киммеріанъ Тавровъ одноплеменными съ Таврисками Альповъ и Турингами Чернолѣсья (древ. *Χερσῦσκοι*) (2); но должно замѣтить, что вездѣ, гдѣ жили Туричи (3), былъ непремѣнно гор. *Юрьевъ*. Въ Альпахъ,

---

(1) Mem. de l'Acad. des Inscr., т. XIX. См. Опис. Музея Кн. Кочубея. Б. Кёне.

(2) См. Индо-Германы или Сайване, стр. 111—119. Тацита о племенныхъ народахъ (Germani).

(3) По S. Quintino, прозваніе Туроновъ (Туринговъ) отъ Thur. Jhre.

подъ Tricorii, Taurusci, Taurini, на р. Турѣ, городъ Jurea. Подъ Юрьевскимъ хребтомъ (Jurassus mons), при озерѣ Леманѣ, города: Juoyre, Дѣвинъ, Janowa, Tournaja. При Венетскомъ озерѣ, на р. Турѣ—Turicum. Въ Турингіи, на р. Orr, или Gere — Görgenthal (Юрьевъ долъ) городъ Gere, т. е. Юрьевъ, и пр. и пр.

Въ Тавридѣ, слѣдовательно, также былъ городъ *Юрьевъ*, или Туровъ, который Еллины и назвали по своему *Ираклiей*, и въ тоже время, приблизительно къ древнѣйшему туземному названію, *Χερσὼν*; ибо названіе города должно было предшествовать Греческому названію *полуострова—Χερόνησος*, *Χερρόνησος* (островъ твердой земли). (1)

Что это предположеніе имѣетъ достовѣрность, то доказывается слѣдующимъ:

1. Первобытный *Херсонъ* или Ираклія былъ тамъ, гдѣ нынѣ Балаклава (см. Страб. кн. VII. 308). Балаклавскій *узкій* заливъ назывался *Σιβουλα*, Sibula (см. Крым. Сбор. Кеппена), измѣняясь въ Греческую форму *Συμβόλων λιμήν*. Сюда, какъ къ священному мѣсту, иноземные корабли недопускались: Тавры ихъ преслѣдовали и брали въ плѣнъ.

2. Тутъ былъ Скиѳскій *Παρθένιον*, *Παρθένος ἱερόν*—храмъ дѣвы (*Дѣвино*, повсемѣстное названіе у Славянъ священныхъ мѣстъ, или посвященныхъ матери земли—*Майи.*) См. Инд.-Герм. или Сайване, 66—69. Про это поклоненіе Тацитъ говоритъ: «часть *Сайванъ* поклоняется также и Изидѣ». Эллины прозвали божество Славянъ Артемидой, или Діаной. Здѣсь она называлась *Ταυροπόλη*, Діаной града Тавра (2), т. е. Тура или божества въ свойствѣ яраго тура. Слѣдовательно древнѣйшій *Херсонъ* былъ градъ Тура или Юрья. Въ послѣдствіи, здѣсь основался Георгіевскій монастырь.

---

(1) Въ этомъ смыслѣ *Χερρος* образовалось изъ *χώρα*; а *χώρα*, въ свою очередь изъ *ὄρος*. Названіе же *Χερσόνησος* есть позднѣйшее.

(2) По Плинію Taurorum civitas. Lib IV. 26, 7.

3. По Рубруквису, въ лат. текстѣ и на картѣ, Херсонъ называется Kersova, городъ, гдѣ, говоритъ онъ, Св. Климентъ принялъ мученическій вѣнецъ.

4. По картѣ Сестр. Богуша, при Rech. Hist de l'orig. des Sarmates etc. Херсонъ назывался Tzortzina.

5. Тунманъ, въ описаніи Крыма, названіе Schurschi (Джюрджи) признаетъ древнѣйшимъ.

6. Маннертъ (Geogr. der Griech. und Römer) говоритъ, что испорченное названіе Gurtsch (Schurschi) наводитъ на древнѣйшее названіе Херсона. См. Крым. Сборн. стр. 228—231.

Такимъ образомъ съ Еллинской формой *Χερσόν* нераздѣльны Славянскія Туро, Джюрдже, Гуро, Гурже, однозначительныя съ Curcho, Korscha, Хръсъ.

Какія главныя имена, изъ 30 племенъ Тавровъ, упоминаетъ Плиній? Изъ населявшихъ южныя набережныя, во первыхъ, называющихся по своему городу: Orgocyni; слѣдовательно это тѣже *Οὖργοι* Страбона—Юргичане; потомъ Characeni—Горичане; Lagygani — Лугоряне, etc. Словомъ, тѣ самые Руссы, которыхъ даже Шлецеръ называетъ древнѣйшими Понтскими Руссами.

Такимъ образомъ, пѣвецъ Игоря, вмѣсто Великаго Херсониса—страны Велико-Юрьевской, могъ употребить обычную русскую форму, Великаго Юрья, Гуржа или Хръса: «Великому Юрьеви волкомъ путь прерыскаше.»

107. *Но рози нося имъ, хоботы пашутъ.* Это безхитростное, ясное выраженіе, почитается, *загадочною фразой, однимъ изъ самыхъ темныхъ мѣстъ въ поэмѣ,* и толкованія одно другаго страннѣе. Это выраженіе Пѣвецъ не выдумалъ, а подслушалъ въ народѣ, который былъ истощенъ безпрестанными войнами. Отдавая лучшихъ мужей, силу свою *(роги)* въ полки Рюрика и Давида, приходилось пахать оставшимися въ селахъ *хвостами* — слабыми женщинами и старцами.

108. *Копіа поютъ на Дунаи.* Это выраженіе дѣйствительно загадочное, если оставлять его въ томъ видѣ, какъ оно есть, и искать смысла въ опискахъ: *копіа* вмѣсто *коній, поютъ* вмѣсто *поятъ.* Это выраженіе нераздѣльно съ предыдущимъ: «но рози нося имъ, хоботы (хоботами) пашутъ, коній поятъ на Дунаи (на Дону).»

109. *Ярославнымъ гласъ слышитъ.* Слѣдуетъ читать: Ярославны мъ (Булг. вмѣсто *ми)* гласъ слышить (слышится).

110. *Зегзицею незнаемъ, рано кычетъ.* Зезгицею *незнаемъ,* т. е. *безвѣстной. Зегзица,* въ Чешск. пѣсн. *Зегзулица,* Зезуля. Въ Серб. *Зуяти, зазуяти*—издавать ропотъ, immurmuro, jammern. Соотвѣтственно этому значенію кукушка называется *горемычной.*

111. *О вѣтрѣ вѣтрило.* Въ Серб. усиленное *вѣтеръ—вѣтрина.*

112. *Лелѣючи корабли на синѣ морѣ* Въ Санскр. *лилайяти*—лелѣять, ласкать, нѣжить, пѣстовать, качать.

113. *О Днѣпрѣ словутицю. Словутный*—славный, знаменитый. Въ Твер. губ. употр. по сіе время.

114. *Пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую.* — Пороги Днѣпра.

115. *Взлелѣй, господинѣ, ладу ко мнѣ.* Въ пѣсняхъ Кирши Данилова, Настасья Королевишна называетъ своего мужа, Дуная Ивановича, *ладомъ:* «Гой еси, ты мой любезный ладушко.»

116. *Свѣтлое и тресвѣтлое солнце.* Въ восхваленіи солнца, Арійцы называли его *тресвѣтлымъ—савитрайя*—тройственный свѣтъ, какъ ликъ тройственнаго Сивы.

117. *Въ полѣ безводнѣ.* — «Изнемогли бо бяху безводьемъ» Кенигсб. л. при описаніи битвы Игоря съ Половцами.

118. *Идуть сморци мъглами.* — Смрьчь, смерчь, *σίφων.*

119. *Овлуръ,* чрезъ нѣсколько строчекъ *Влуръ.* Въ Лѣтописи. *Лаворъ.*

120. *Князю Игорю небыть. Небыть* описка, вмѣсто *избыть,* т. е. освободиться, избавиться отъ плѣна. *Избыти* — liberare; *избытіе*—выходъ, исходъ. См. Сл. Востокова.

121. *Вежи ся половецкія подвизашася. Ся,* въ которомъ нибудь случаѣ лишнее. *Подвижитися*—поколебаться. См. Сл. Востокова.

Въ древней пѣсни «Волхъ Всеславьевичь», тоже самое сочувствіе всей природы къ событіямъ, касающимся до воспѣваемыхъ Витязей.

А въ Кіевѣ родился могучь богатырь,
Какъ бы молодой Волхъ Всеславьевичь:
Подрожала сыра земля,
Стряслося славно царство Индѣйское,
А и Синее море всколебалося.»

122. *Избивая гуси и лебеди, завтроку и обѣду и ужинѣ.*

Въ древней пѣсни «Михайло Казариновъ»:

И садился онъ на добра коня,
И поѣхалъ ко морю Синему,
Что на теплы тихи заводи;
Какъ и будетъ у моря Синяго,
На его щаски великія,
Привалила птица къ берегу,
Настрѣлялъ онъ гусей, лебедей,
Перелетныхъ малыхъ уточекъ,
Ко его столу Княженецкому.

123. ***Претръгоста своя борзая комони.*** По Серб. претргнути—disrumpo—надрывать.

124. ***Рекъ бо Янъ и ходы на Святославля пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова Коганя хоти.*** Постановка рѣчи непонятна; но смыслъ понятенъ: Пѣснотворецъ стараго времени Ярославля и Ольгова, воспѣвалъ и походъ Святослава на Когана Козаріи, называвшейся въ то время и Гоѳіей.

Преданіе о смерти В. К. Святослава Игоревича: «убиша Святослава и взяша главу его и во лбѣ содѣлаша чашу», видимо внушило скорбное выраженіе пѣвцу подвиговъ его: «тяжко ти головѣ кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы.» Это выраженіе и повторяетъ пѣвецъ Игоря, чтобъ привязать къ нему заключеніе своей пѣсни, противуположное бѣдственному концу Святослава.

Пѣснотворецъ стараго времени Ярославля, Ольгова. Янъ родился въ 1016 году, при В. К. Ярославѣ Владимировичѣ. По словамъ пѣвца Игоря, Янъ воспѣвалъ Ярослава, брата его Мстислава и внуковъ его Романа и Олега. Олегомъ и заключилъ онъ поприще *трудныхъ* или скорѣе *страдныхъ повѣстій,* около 1103 года. Почерпая всѣ событія этого времени изъ *Словъ* Яна, пѣвецъ Игоря часто пользуется и *припѣвками* его.

Такимъ образомъ, сбивчивая постановка словъ подлинника, объясняется сама собою: «Рекъ бо Янъ, пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова, и ходы Святославли на Коганя Готп.»

До времени Святослава азіатская часть Босфоранін, Томитанская область, называлась Казаріей. Азіатцы называли ее *Томатарханъ*, по городу Тома (Донъ), въ значеніи *Донской торгъ*, Греки Таматархой.

Въ XII столѣтіи, Каганы Халдеи Кавказской (1) (Cuthaei), снова овладѣли страной и прозвали ее Гоѳіей, какъ во времена Римлянъ. Іосафато Барбаро, бывшій въ Кафѣ, и въ городѣ Донѣ (2), при устьѣ рѣки, указываетъ на мѣстность Гоѳіи:

«Прямо противъ острова Кафы (Керченскаго полуострова), на берегу Чернаго моря, находится *Гоѳія* (la Gothia), а за нею Аланія (т. е. *Оссетія* (3), страна Яссовъ).»

125. *Вьются голоси.* Слѣдуетъ кажется: *лются голоси*, по обычному выраженію—*заливаться пѣснью.*

126. *Слово* о п. И., какъ и всѣ древнія Слова, повѣсти и посланія, заключались словомъ Аминь. Пѣвецъ Игоря также возглашаетъ: «Здрави Князи и дружина, поборая за христіяны, на поганыя полки!» Въ заключеніи, въ созвучіе этому выраженію, слѣдуетъ: «Слава Княземъ и дружинѣ! 'Аминь». Но неизвѣстный кощунъ-перепищикъ далъ окончанію свой оборотъ: «Княземъ слава, а дружинѣ аминь.» Во всѣхъ переводахъ неоспоримый смыслъ возстановленъ. Возстановляю его и въ подлинникѣ.

---

(1) Въ древности страна Уръ (Ur), и Coutha, по Арм. Кэгти-к. На Кавказѣ по сіе время Евреи называются Уріями.

(2) *Тана.* Азіатское названіе *Тана* и *Тума.* Древній *Донъ* былъ при устьѣ Босфора.

(3) «Аланія получила свое названіе отъ *Аланъ*, называющихъ себя на своемъ языкѣ *Асъ.*» Іос. Барб.

LIBRARY OF CONGRESS
00025089017

LIBRARY OF CONGRESS
0 002 508 901 7